

История старо-испанской поэзии съ X ст.

какъ оденуть и, сверхъ того, подарилъ по прекрасному мѣ-
сту; одинъ мѣстъ назывался Колада, другой — Тизонъ; Сидъ
добавилъ ихъ въ бирвадь. Въ провозматое догерьямъ даль отъ
своего племянника Фрелеза Мунсоза.

Индранцы задумали во время пути совершить свое
гнусное дѣло. Дотѣхавъ до дремучаго Корнесскаго лѣса
они отправили свизу впередъ, сорвали съ шеи верхнее
плаще, привязали ихъ къ деревьямъ и закъ спрятамо
издали подиргали, что оставили ихъ замертво. Къ сѣ-
веру, Фрелезъ былъ недалеко; отъ тамель своихъ двою-
родныхъ сестеръ въ безмядзубъ, привелъ ихъ, какъ новъ,
въ кубезво, посадилъ на своего коня и, прикрывъ ман-
зиею, отправился съ ними назадъ къ Сиду. Сидъ рѣшился
тесноко отмерить индранцамъ, но не самъ собою, а черезъ
судъ короля, который сосвадалъ его догерей.

Король прикель къ сердцу дѣла Сиды, созвалъ въ
Толедо кортеса и открылъ ихъ законо правдо:

„Слушайте, дружина, да сохраните васъ Богъ! Съ
этихъ поръ, какъ я король, я только два раза собиралъ
кортеса, въ первый разъ въ Бургосъ, во второй въ Карри-
онъ. Телерь собралъ я ихъ въ Толедо изъ любви къ
моему Сиду, въ доброй часъ розидельному, чтобъ отъ
добилъ правды отъ индранцовъ Карриона. Дурно они
посудили съ нимъ; вѣтъ мѣ это знаемо. Судьбли будде,
графъ донъ Генрихъ и графъ донъ Раймондъ, и вы, про-

те графа, неприкасаемая къ долгу, озвещается къ нему вши,
мазельно, какъ какъ способности узнать, на всей стороне
незаконное право, а я не могу никакой несправедливости.
Но сегодня да будетъ миръ въ зой и другой парзии. Кля,
мусъ св. Мейдороль, кто нарушитъ мой кортесъ, будетъ из,
гнанъ изъ государства и лишится моей любви. Я буду на
той стороне, где будетъ правда. Плениръ мусъ говоритъ
мой Сидъ Камнеадоръ, а похоть мой узнать, что от,
взять ему инфранца Карриона."

Сидъ поцѣловалъ руку короля и всталъ: „Благо,
дарю васъ, сказалъ онъ, моего короля и господина, за
то, что вы ради меня нарядили кортесъ. Возьмите я
лицу на инфранца Карриона: это они оставили моихъ
дочерей, мить въ зой и мить безверия, похоть что вы, король,
выдали ихъ замужъ, и вы сами знаете, что нужно отъ,
кажъ. Но когда они уезжали съ дочерьми изъ великой
Валенсиа, я, любя ихъ отъ всего сердца и души, далъ
имъ два меча: Пизонъ и Коладу. Я добилъ ихъ, какъ
баронъ, и далъ имъ, что въ они съ ними добили похоть
и валь слушили. Но съ зой поръ, какъ они остави,
ли моихъ дочерей въ дубовъ мѣсу, они лишились мо,
ей любви и мить болше не захотъ. Пусъ же они воз,
врать мить мои мечи."

Судьи наши требованіе справедливости, а стороны,
ники инфранцовъ подумали, что злимъ все дело и кон.

гнуса, и окозго подгнилиае рѣшениа.

Забравъ мечи, Сидъ поцѣловалъ руку короля и во-
розилъ на своего скакото. Онъ дернулъ мечи въ рукава
и ихъ разсмазриваеъ; не могли ихъ подмѣнить, закъ
какъ Сидъ хорошо зналъ ихъ. Все зѣло его всемилое,
онъ увидѣлся, поднялъ руку къ бородаъ и сказаъ: "Кня-
нецъ Эзойъ бородаъ, до козороу нѣко не касался, зѣми
мечами будуще оуницеа донся Элвира и донся Соуъ". Онъ
позвалъ своего племянника, оудалъ ему Птизонъ и ска-
залъ: "Возми его; онъ ваиграеъ оуъ перемѣна хозди-
на." Другой мечъ онъ оудалъ Карзину Анзолинесу.

Взоривно подмялся Сидъ и на зомъ зне основа,
ни поуредовалъ, чтооъ иуфранзы возбразили ему зосо
марокъ, козорид далъ онъ въ приданое. Эзо уредованіе
зрудное было исполнѣ: денги-го иуфранзы неурраи-
ли. Но судъ закъ рѣшилъ, и иуфранзы часуъ денгъ зана-
ли, а часуъ уплазили конями, мулами и орудиенъ.

Сидъ подмялся Сидъ и на Эзоуъ разъ поуредовалъ
судебнаго поединка.

Тогда нагалаеъ перебранка между паррѣями. Сго-
ронники иуфранзоуъ и вравъ Сига, графъ Гарсиа, говорилъ:
"Воухъ какую длиннуу бородау озраеуиъ Сидъ; оуниаъ
онъ его пугаеъ, другиахъ удивляеа. А иуфранзы не закаъ
породаа, чтооа дочери Сига могли быъ илъ законными
женами; зяло. быъ, они всегда могли ихъ оубавѣ". Сидъ

озвучаеъ: „Что! вы, графъ, короче меня моего бородача.
 Она длинная, поэтому что на войне росла. Никого не рвалъ
 ее, какъ я рвалъ вашу въ замкѣ Кабры. Когда я овладѣлъ
 Каброю, я схватилъ васъ за бородачу, и тогда бедный мальчикъ,
 ка щипалъ ее у васъ? Племянникъ Суда, Перо Бермун,
 десь, и маркизъ Анжолинесъ принималъ у насъ въ
 перебранкѣ. На помощь имъ франца въ выступавъ мѣ род.
 сьвенникъ Ассуръ Гонзалесъ. Онъ вѣдущъ во дворецъ въ
 длиннотъ горносаевоу плащъ; онъ идеъ пошатыва.
 дель, съ лицомъ раскраснѣвшимъ, ибо онъ слишкомъ
 много позавтракалъ. — Въ томъ, что онъ говоритъ, мало
 благоразумія. — Ну что, воина, кто изъ васъ видѣлъ та,
 кидъ подошва? — Барона! кто знаеъ новья вѣщи о мо.
 емъ Сидѣ Гибарескомъ? Не отправился ли онъ въ Риодо,
 бирну золкаре свои зернова, воеваеъ съ мельниками и
 собираеъ деньги за помолъ по своему обыкновению? — И кто
 это надумалъ его породиться съ Каррионами? — Тогда
 вскопиль на ноги одитъ изъ сфоротниковъ Суда, Мунсо
 Тусеосоъ: — „Молчи, второломной злодѣй и предавецъ! — Ты
 завтракаешь президе чѣмъ подбаваеъ въ церкви: — ты не,
 нависелъ всталъ, кому ты кланяешися. — Ты не говоришь
 правды ни другу, ни государю, — ты лжешь вѣтмъ и осо.
 бѣнно Господу Богу. — Не могу я мнѣеъ заски въ твою
 дружбу. — Я захавлю редъ признаеъся, что ты именно
 заковъ, какими я редъ изобразяю.“ Онъ выдываеъ се.

сура Гонзалеса за его слова на поле.

Въ это время къ королевскому престолю приблизились двое знатныхъ инокземцевъ: Омарра, ифранкъ кабаррскій, и Энего Хименесъ, ифранкъ аррагонскій. Они шеля, юзь вздѣть за себя дочерей Суда, если юзь согласится. Съ одобренія короля, Судъ принималъ ихъ предложеніе, если черезъ его дочерей будеть возсхановлена.

Судъи должныа согласился на зредованіе Суда, и черезъ три недѣли назначеныа три судебныа поединка. За черезъ Суда и его дочерей будуть биться Пьеро, Анзолимесъ и Тусидесъ. Указная въ Валенсію, Судъ изговаривалъ ихъ биться хороменско. „Зачѣмъ говоришь такія слова? оубѣга, ешь Анзолимесъ. Мы приняли вызовъ, и вы можете уся, шаре о нашей смерти, но не о нашей поразженіи.“

Открытіе арены, на когорую удремляюся шесеро бойцовъ, въ присудствіи короля, описано такъше съ болю, мой энергіей и одушевленіемъ:

„Судъи поединка и король назначили каждому мѣста — и омерили арену для боя. — Бойцовъ убѣдомили всѣмъ шесеромъ, — что юзь будеть спизагся подъяденнымъ, кто выйдеть за герцу круга. Арена была въ шесъ копій въ длину и ширину; судъи подъямили поровну между бойцами и солнце и зѣмь. — Зачѣмъ судъи ушли съ арены и бойцы сзали другъ прозивъ друга. — Возъ сзороныа, ки Мосго Суда сзачуъ на одной сзороныа, а Карриона на

другой. — Каждый из них внимательно следишь за врагом.
— Они прижимают к груди свои щиты; опускают коня,
украшенный знаками — и припадают головами к
сплани: — заковать дадут шпоры коням; — земля как
будто дрожит под ними; — а каждый из них внимательно
но следишь за врагом.

Все эти былые описаны подробно; правое дело все,
горше существовало, и Сидь с чеством пошехь вьдуть залучить
своих догери.

„Их первые мужья были знамен, а второе еще знамен,
и второе залучество еще пошехь первого. Сидь,
же, какал чество для рожденнаго вь доброй чась, когда его
догери сжали господами Наварры и Арагона. Пена,
решние короли испанские сродни ему и все пошехь рои,
денному вь доброй чась.“

„Он покинул зреть мирь вь день Пятидесятница.
Да будеть кь нему милосхивь Христовь. Да будеть и кадь
нами его милосхь.“

Таково вь обличьи геральдическое содержание знамени,
зай поэмы.

Кь кризису.

Присиде всего я указу на глубокую и шивую сию,
назито кь Сидю, какою поэма проникнуха овь начала
до конца, и на слабую среенс поэтической подкраски.
Мю Сид (Мой Сидь) поэмы — своеобразный развешливый

Гёттингерманн

кондоцерже, мавритански добродушной мусль, оузеу и подданной, и мусль очень мало общаго съ Сидомъ романсовъ рыцарской эпохи. О. И. Бучлаевъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о Сидѣ справедливо замѣчаетъ, что обывающій эпическій Сидъ „тіо“ („мой“) — тіо Сід (мой Сидъ) — придаетъ разсказу какую-ли задумчивую наивность и нѣжностъ, ука, зывающую на любящее отношеніе пѣвца и слушателя къ своему національному герою. Но Сидъ, какъ его изображаютъ старинная народная преданія, Романа del Сід, романсы и даже Хроники, являюща на нѣхъ фигура слишкомъ поэтич. и историческая, и мусль очень мало сходства съ историческимъ Сидомъ. Вотъ какъ, напр., изображается его смерть (романсы):

1.

Сидъ въ Валенсіи лезавъ	Valenciâ q'ntâ qulâ
На одръ, больной и хилый,	Xolicees bij Sids, lîdz nasci
Презервавшій много бодервн	Xoduroc no ceestâm varzant
И урдаки сражскихъ боевъ	Un no tix dandê karu ^{darbasu} pîlem
Утомленный. Вдрукъ отъ сланиръ,	Ums un newarros. Te dritê vîns
Возмущаясь душою,	Ustaukdancees kavâ d'vostê,
Что Бучкаръ, владыка мавровъ,	Ka jan Buxars, mozi valdnessa,
Подъ Валенсію подходитъ	Tavojees is Valenciâjai
И вѣдетъ съ собою уридсау	Vozdams lîdz sev trov Desmitus
Королей, могучихъ силой,	Kemirus, jo st'pous spēka,
И безчисленное войско.	Leclâ'ska, tâ kara vîrus,
Пѣвшихъ разниковъ и конныхъ.	Kajam, jaius Kajensessus, jatensessus.

1) См. въ Уголь Записокъ Имп. Акад. Наукъ:

На борту своемъ Родриго *Gul'ta peccelas Rodrigo,*
 Приподнялся, размахивая *Super tunc per domadams*
 О золотко баскетомъ драго, *Par tix nisi lectu lectu,*
 И молится Богу неба, *Un vini ladra debes tavi*
 Тмодь ему оны баль покомисники *Ca Tuo vinampali'Kotn,*
 И тмодь съ режисо изданиемъ *To a gode t'p'p'it'u*
 Озь поибели факонъ. *Et in paradisa postu.*
 Вдрузь резиданно предъ собою *Te negidat eua per eua*
 Додрый Сидъ увидитъ муса, *Labais Sid's' sedi kade v'it'u*
 Съ мискомъ джамаль и пресвободисль, *Garin, ap'ricandrot'a vaiga,*
 Озаренного сиденья *Ap'tarot'u janku q'it'ma,*
 И въ одежде бѣлоснотъ синюй. *Debes videant meza ballas.*
 Дивной мусль, благоуханья *Binnumvits or janku sm'it'u*
 Ма лежавшаго повѣдья, *Et ta gula ved'majis*
 Такъ сказанъ: „жы ешиш, Родриго *Teica: Negulis Rodrigo,*
 Пробудитъ и будъ смѣлнѣ!“ *Mamotes un topi dro'sars.*
 Сидъ спроситъ у муса: „кто бы?“ *Sids tam vaicu; Kastad's eliz*
 Мусль на жо: „Петръ апостоль!“ *Peters apostals! tam abb'it.*
 Возвѣститъ зедъ, Родриго, *Dasladinat tev, Rodrigo*
 Посланъ я, тмодя озманъ *Esime entits, ka tu tagat*
 О единой золотко смерзи *Uestiqi par savi ravi*
 Помышляя за: въ мизюб иную *Par domati: cita sanle*
 Божь зовезъ режд, Родриго, *Devi ted' avina, Rodrigo,*
 Въ безконечной мизь блаженномъ, *Duzaloga' cita*
 Туть живуть одни свѣжые, *Tut, kur drivo tixei vetee,*

1) Сидъ въ испанскихъ романахъ походямо называюща: *viene Sid* (додрый Сидъ).

Въ концы Божіи мѣся. *Dansa klepi ligamodami.*
 Черезъ зридцарь днѣй, сплывай *Deo korstemit deenan na tas,*
 Озь зого, въ козорнѣ слышимъ *Kuzatu io vesti dzro;*
 Дзу вьсубъ — укрѣсь зы. Много *imvreit na, jo vira silqi'*
 Твоѣ възискаль зедѣ, Родриго, *Secus ter' marloj's, Rodrigo,*
 и за подвиги награду *Un par tavarem varondarbeam*
 угрозовиль, что и первый *Algoj's levi, ka pat miris*
 для враговъ зы будемъ схрамемъ *Benardnancem busi bistam,*
 и Бужара одолземъ. *Ua Buccaru^{or} juvaresi.*
 Твой народъ съ его народомъ *Tava tanta ar ta tantu*
 Будеть бурья въ грозной бурьѣ, *Kausces brosom^{dradu} pitna kanja,*
 и связой амежомъ Яковъ *Bot jum's paliqa naks eina*
 Ваимиль разникаль поможемъ. *spustulis velais Texals.*
 Ты же князь, передъ смертью, *Taqudin pcesei savas naves*
 во гробахъ своихъ покажѣ, *Nozelo, ^{tin} danga, savas grekus,*
 чтобы въ рай думого гисей *ka ar t'om^{seita} dvestli vari*
 Вознесуе: Господь готовиль *stolidot ne paradisi,*
 въ небесахъ зедѣ шиллице, *Kur Dears drivokli tor tava*
 Потому, что зы украсиль *Tandel, ka tu i'pustroj's*
 и погиль мой домъ въ Карденсо, *deko Kardeno man namu,*
 озь козораго Карденскиль *Kadel tanta man dots paward*
 а въ народъ называюе. *Kardenerlis, ka tu vini.*
 Какъ услышалъ зфо Сидь, *Kad lids ta no ideridejas,*
 Превеликое всеясе *Tas jo lelu pcesku jata*
 Ощущиль и, одръ покинувъ, *Sidi; pcesces no galas*

Ма колтыни паль и ноги *Krita tas ir celan,*
 У апостола святого *Vēlētāms noskūpstīt*
 Онь хотеть облобизать; *Svētā apustula Kājas,*
 Но апостоль: Возань, Родриго, *Beit eis: Pēceļus, Rodrigo,*
 И ко мнѣ не приближайся! *Un man tu vis netuvojies!*
 Это будеть бесполезно; *Tas neko tev nelīdzēs;*
 Но слушай неизбранимаю, *Jot tas ir nenovērtams,*
 Что сказалъ зѣбѣ я камъ. *Ko es tagadī tu darīs."*
 И, вѣщавъ ея, апостоль *Un, šo sacījis, apustulis*
 Въ небеса ажъ вознесъ. *Pacēlis uz debesīm.*
 Добрый Сидъ одинъ остана, *Labais Sids un viens palstājis,*
 Тренисполненной бѣсѣя, *Pārpildīts no svētā prasa*
 Воземая къ Богу неба *Satija uz debesvaliti*
 Многокразныя молитвы. *Lūgšanas bez kāda skaita.*

2.

У апостола Петра, *Un pēc apustula Petra,*
 Что Карденскимъ назывался, *Kurš samē par Kardenecti*
 Находился дотъ Родриго, *Atrādās, laik, doni Rodrigo,*
 Трозный мавровъ подвизелъ, *Ledāis mōm urvasetajs,*
 Никогда непобѣжденный. *Pēvarets, būdams nekā pēvarec būdams.*
 На скальбо съ задкомъ узоркамъ *Koī atzveltenes kreslā*
 Посадимъ зѣло Сидъ *Pedimāja Sida mēssas,*
 И бѣгли въ новый панцырь. *Detēra to jaunās bruņas.*
 Мнѣ его сѣмъ озираю, *Freizloma apskaidrotāis*
 Благородсвоу огарѣннай; *Nīnā vargs bij gāiss un atkalts,*

Борода была кудрями, Barza vijas kaplas cirtas,
 Близкой подошла стогу, Lidzinama waigam snegam;
 У бедра его висела Un tam karajis pee sancem
 Много добрая Пизонь,¹⁾ Labais robens, Ticens cauktai,¹⁾ - Ilgmpagale
 И не боялось, что умерь Ticet negribas, ka miris
 Донь Родриго, а казалось, Don Rodrigo, tiri rades,
 Что символ сидеть на сунду. Ka tas sed ka dzivs uz kuela.
 Так сидеть онъ восекъ мору, Ja' vims' sedej' aston gadus,
 И народъ усердно въ храмахъ Un^{tas} par barniciba pas vime
 Одну его молился, Dvesli tanta Jaum luda,
 Что была въ рай у Бога, Kas per Deusu paradisi,
 И ходилъ сморрять на Суда Hajn^{cieli} landis Lida lūkat
 Въ храмъ Карденескаго Пезра. Kardencis Patra nama, -
 Праздникъ бавъ неподалеку Lwinaja unis kadus cuktans
 Изъ того еврейскаго мѣсяца, Ne ein talu no tās uctas,
 Тутъ Родриго находилъ. Kur bij' nolreto dans Rodrigo,
 Весь народъ ушелъ на праздникъ, Visi landis bija uctās,
 И осзалося зѣло Суда Lida mecas bija bez sarga
 Безъ присмотра; въ это время Uzraudis tas, tad to bridi
 Мидь пришелъ взглянуть на Суда, Kencik lids, grib Lida^{lūkat}
 Подожелъ и сѣлъ собою Pe cet, domavams pee sarv:
 Разсудилъ: „закъ возъ какой онъ, Kevs, kas tagad ingan
 Прозъ Сидь, вездѣ хваломый! Lids, ite vīnu slavejamais!
 Говорилъ, что при жизни Stata, ka tam dzīvam est
 Не посылать бы самую свѣтлую Hidrosteji^{net beclais} novēnu draimesko

1) О прозваніи этой шнаги Суда мы уже раньше слышали.
 Совершенно Пизонъ знамать — голотий (Fensvāns).

Бороде его коснулася... ^{tirot} tikkast viņa kaplo baradū...
 А зеперь сигурьонимерувий! Bet tas tagadū est miris!
 Дайка я ее рукою Рага, es to nu ar roku
 Чухвару! зеперь польжи ^{metivāi!} metivāi! neveca trauca,
 Мнѣ не будешь, и не срашесъ ^{Kar jan miris līds tā britanā!} Kar jan miris līds tā britanā!
 Мерувий Сидъ, какъ баль шивой! "Kā tas drīvs patēsi biņa!"
 И, приближъсь, пофянуся ^{Un klāt puzājis, tās sneikas} Un klāt puzājis, tās sneikas
 Къ бороде свѣщенной Сига ^{tikkast līda sveto baradū} tikkast līda sveto baradū
 Шидъ пелисей; но лишь-золско ^{līds, šis metivāis; bet tikko} līds, šis metivāis; bet tikko
 Онь король ея коснулася, — ^{grubeja tai ķertem klāt,} grubeja tai ķertem klāt,
 Добрый Сидъ замевелися ^{Labais līds te sekstejis} Labais līds te sekstejis
 Безнокоймо и на ^{пяде} ^{Hamceviži un par spirti.} Hamceviži un par spirti.
 Обласили свой ^{мечь-Пизонъ.} ^{Rava} ^{zobenu no maģistim.} zobenu no maģistim.
 Обудяль шуда великий ^{līdam uzgāj} līdam uzgāj leclās bailes,
 Сзрахъ, и онь безъ куберъ на землю ^{kojibis tas zemē gāras} kojibis tas zemē gāras
 Повалился зотно мерувий. ^{Tivi lūdams kā pagalam.} Tivi lūdams kā pagalam.
 Такъ наими его поущру ^{Tā to atrada, no rita} Tā to atrada, no rita
 И въ лицо ему водого ^{Un tam slaeja un leja} Un tam slaeja un leja
 Срали брызгазъ, зтодь ошучься, ^{Acis uzeni, lai mostas.} Acis uzeni, lai mostas.
 И когда пришесть онь въ павидъ, ^{Kad pēc samanas tas nāca,} Kad pēc samanas tas nāca,
 Разказаръ ему велюми, ^{Tad tam bija visu stāstīt,} Tad tam bija visu stāstīt,
 Что случилося съ нимъ во храмъ ^{Kas par viņu noticējis bij} Kas par viņu noticējis bij
 И за что онь такъ избузъ. ^{Un par ko tā izgāvīti sāpēkts.} Un par ko tā izgāvīti sāpēkts.
 Шидъ повѣдалъ все подробно, ^{Līds jō sīki visu teica.} Līds jō sīki visu teica.
 И народъ, склонивъ колѣнки, ^{Landis celus locidami} Landis celus locidami

Срѣль молится Богу неба	Saka pērlugt debes' Tēvu.
За сѣдѣльное гудо,	Kas bij brīnumlaetas darījs,
Что во храмы не дозволимъ	Nepereclaudams savā namā
Штѣло боина Хрестова	skērtint Kristus karotāju,
Осквернѣтъ рукѣ немисной.	Pēdrot klat tam ^{but} namā ^{izputē} voku.
Мидъ съ козориль было гудо,	Lids, kam notikis iis brīnumis,
Окрестился, Хилс-Диегомъ	Likas kristītais. Ģil. Diar
Нарезень и срѣль молится	Līca kristībā tam vardā.
М слушигъ усердно Богу	Mu tas kalpoja nu Dievam
У Карденскаго Санъ-Педро	Pēc Kardānas svētā Petron,
М, какъ доброй христѣанинъ,	Lidzā Dievu dēem un nahti,
Тамъ окончили дни свои.	Līdz tai beigta savas dienas.

Какъ уже сказано, и какъ это доказываюгъ съ доказат.,
 поютъ и въ романса, Сидъ являетъ здѣсь нѣмъ фигурно
 слишкомъ поэтическаго, мнѣющаго слишкомъ мало сходства
 съ историческимъ Сидомъ, лигмосаго героическаго, но заидъ.
 нѣмного историческаго, гудо своего времени: какъ напр.
 онъ не разъ дерзаетъ прозидъ христѣанъ, раззоряетъ ихъ
 церквизъ. Но, не смотря на все это, Сидъ нѣмъ все-таки
 бѣе датная, что онъ срѣтъ гудъ, гудъ его бѣдала вносидъ.
 срѣтъ калдильская поэзия. 1) Кроме того необходимо срѣтъ
 оудидатъ эту поэму оу романсовъ. По поэму, илѣнно по
 первой ед часри, Сидъ бѣтъ не что иное, какъ сильной кон,
 дорзетъ, мало заботившійся о соблѣденіи уваговъ роизар,
 ской гесри. Но не онъ одинъ нѣмъ гудъ образидъ въ

1) Сл. Dugu, Recherches, Tom I, 1849 pp. 320-349 и 650-656.

зоданней Испаніи; ^{напр.} знаменитый родственный и словесникъ его Альваро Франескъ служилъ съ наемного дружинного арабскому князю, которому принадлежала Валенсія. Дружина эта состояла, по словамъ мѣстоиски изъ бродячьихъ всякаго рода. Альваро Франескъ не обращалъ вниманія на разлічіе вѣры; онъ принималъ въ ряды свои магометанъ и христіанъ безъ разбора. Заго войны его приобрѣли нежа, видную извѣстность. Они грабили, жгли селенія и уби,вали тысячей несчастныхъ мѣстоисекъ, черезъ которыхъ ле,жало иль путь. Платниковъ своихъ они часто продавали въ рабство за одиель хлебъ, кружку вина или фунтъ раба. Платниковъ, которыхъ нежа было продачу, подвергались несравненно худшей участи: иль рѣзали язвжи, выкалывали глаза и грабили иль приуменьшили къ згому дѣлу собаками. Къ сожаленію, народная героиня испанская по,эзия такъ же не отличался отъ современниковъ мягкостью нрава, и дружина его ни въ чемъ не уступала дружинѣ Альваро Франеса. Замѣчательно въ згомъ отношеніи нахо,дящееся въ мѣстоиски о Сидѣ (gesta) писаніи Беренгара Барселонскаго. Въ писаніи графъ Беренгаръ обвиняетъ Сиду въ томъ, что онъ поклонился горамъ и хитрымъ иди,зламъ, а не истинному Богу, и говоритъ: „Господь отмездитъ вамъ за разрушенныя вашими насиліемъ и поруганые храмы его.“

Счастіе извѣстило графу Раймонду Беренгару въ войнѣ

съ Сидонь, козорый разбилъ и вздыл его въ плъкъ. Я привелъ
 озривокъ изъ поэмы о Сидь, въ козорый описываеца освобожди,
 деня Барселоникаго графа Беренгара изъ плъкъ. Оно даеца
 вторное понязи о грудой и оригинальной знюкъ, къ козо,
 рой принадлецаца эти собыдизя. Тамъ одна весьма карак.
 герисфическая герра: Сидь гозовъ выисривъ на волно графа,
 но изъ вздыоу въ бизвъ добычи онъ не урзунитъ ничего, ни
 даце франшовой денезики. Съ особенной энергисто и нтъскоу,
 ко разъ повзоривъ онъ эти слова. Платови были феодальныя
 герои XI столътизъ не въ одной Меманин, но во всей запад.
 ной Европѣ. Рыцарскій понязиэ зомско-то нагитали раз,
 биваеца и еще не цетили сладица грудоеци феодальныя
 нравовъ. Сидь не скриваеца своей лодби къ кузному добру.
 Онъ совершаеца часъ своихъ подвиговъ ради добычи и денези,
 нкъ выгодъ, словомъ, онъ береца доходъ огромный въ мѣа
 своего.

Но не слъдцеца забываца, что Сидь главнымъ образомъ
 обязанъ своею популярностю среди соотечественниковъ и
 современниковъ одному обстоятельству, козорое дълаеца его
 личностъ крайне симпатичной и для насъ, это — мушесво,
 съ козорый онъ защищаеца езария народная права и фиско.
 Тудерь упоминаеца оу этомъ втородно на основанин
 хроникки (глава 110), гдѣ говорица, что Сидь сродилъ за права
 если не народная въ зомъ смысле, каковы мы денералъ
 понимаемъ, го, во всякомъ случаѣ, за права, оспариваемыя

коронаю, подобно тому какъ английскіе бароны воззвали
прозвѣвъ короля Эдмунда, чтобы принудить его дать шиль «кодъ,
на Charta».

Какъ мы видѣли, описаніе освобожденія Сиды въ
своего знамени, подвергнувшись большой опасности, благо,
даря неосозоримости Бернундеза, знаменосца, прочик-
нуто гисро рыцарскимъ духомъ. Но шилье всего описа-
ны заставленія кортесовъ, созваннаго по зредованію Сиды,
чтобы обсудить шесрокое обращеніе графовъ Каррионовъ съ
ихъ женами. Въ одной изъ сценъ зрое сподвижника
Сиды вызываюць на бой зредъ рыцарей изъ свиты графовъ
Каррионовъ и вызовъ, обращенный къ Асуру Гонзалесу
Анубо Тусіосомъ, описаны весьма характерно. Зо-
мъево, съ предвѣдущими и послѣдующими сценками (съ ко-
торыми мы зрое уже ознакомились), можеть быть прирав-
нено къ вызову, который мы находимъ у Меленіра въ
Ричардъ II. актъ IV. ^{наконецъ} Описаніе поединка зрое замъево.
Можетъ подобное естъ у Госера, «Knight's Tale» въ описаніи
поединка Паломона съ Арсидомъ. ^{но} Сравнивая между собою
оба эти описанія не можно упустить изъ виду, что поэма
о Сидѣ на два столѣтія раньше Кэнгерберійскихъ разска-
зовъ Госера!

Приведенный много мѣста принадлежать къ са-
мымъ характеристичнымъ мѣстамъ поэмы, которая въро-
яетъ всюду франско зне отличается оригинальностью, сколько

1) См. изданіе Мифвуна (Tyrwhitt) V. 2601.

народности, христианскими духом и преданностью королевской власти. Словами, она всюду проникнула и в индо-кашмирские духом, включившись на нас из Сарин, вплоть до Хроник, когда они рассказывают об удачах и неудачах испанцев в борьбе их с маврами. Арабское влияние очень мало заметно в языке поэмы и особенно заметно в образах и картинах.

Язык поэмы есть именно язык, на котором говорил Сид, — язык разбившийся до конца в половину и с трудом освобождающийся от латинских уз; его словосочинение еще не установилось; грамматические формы не вполне определились; в нем мало тех соединений единичных частей, которые придають факто прелесть и выразительность всякому языку, но зато оно дышет степенным искренним и оригинальным духом эпохи, и доказывает с очевидностью, что человек стремился задержать свое место в ряду других несдвоенных элементов национального генія. Дальше, внешняя форма поэмы, размеры и формы оуплатуются грубою и неопределенностью; стиль, первоначально размечанный на гортань, надцать слогов, разбитых цезурой на восемь слов, где, нередко достигая до 16 и даже до 20-ти слогов, а иногда сгущиваясь до двенадцати. Напримерь:

Terra donques non vió alli dos' alçace nin samara abierta nin torre — 25 слогов.

Benne ante vos do è vuestros fijas. — 12 слогов.

Infantes son é de dias chicas — 10 слоговъ.

И такія неправильности — слишком гасцы. Но, все снов-
ря на все эти неправильности, стиль поэмы всею носить
на себя печать свободного и безрамнаго духа, который
превосходно гармонируется съ языкомъ поэта, содержани-
емъ поэмы и ея вкусомъ и сообщаетъ всему произведе-
нью такое движение, такой интересъ, что даже теперь,
по прошедши многихъ столетий, нѣкоторая сцена поэ-
мы о Сиде проводится передъ нами какъ сцѣна поэма-
сацией драмы. Наконецъ дѣйствие поэмы на дѣль гасцы
обращаетъ возне на себя вниманіе. Это дѣйствие и другія,
меньше значительныя, дали испанскому ученому Паниа¹⁾
поводъ думать, что Poeta del Sid создалъ изъ ордынскихъ
гасцей или пѣсень, какъ это извѣстно относительно Или-
ады и что можно утверждать относительно поэмы о Ни-
белунгахъ. Но эти подраздѣленія и перерывы такъ гасцо
возрастающа въ поэмы о Сиде и такъ ясно указываютъ
на другія цѣли и причины, что предположеніе Паниа
не заслуживаетъ вѣроятія.²⁾ Означеніе поэмы къ пред-
полагаемымъ пѣснямъ древнѣйшихъ испанскихъ коро-
левъ — мало вѣроятно, потому что она (поэма) больше
походитъ на народный французскій эпосъ, т.е. на ска-
ричные французскіе „Chansons de Geste“ и въ ея построй-
кѣ замѣтно больше искусственности, нежели это допу-
скается природой народныхъ балладъ. Но все это — споръ.

¹⁾ См. „Historia de la Civilización de España“ Madrid, 1840. T. I. pp. 267.

²⁾ См. Губеръ „Crónica del Sid“, стр. 40.

ные вопросы, и мы не можем входить здесь в ихъ разсмотрѣніе. *

Однако различная мнѣнія о поэмі Сиды, различная оцѣнки ея художественныхъ достоинствъ представляють весьма любопытную сѣрацию ея исторіи. Бюхервегъ говоритъ о ней лишь мимоходомъ, вторично поэму, что держался взглядовъ Сармиензо, который не читалъ поэмы. Но Шлегель, Сисмонди, Туберъ, Вонсертъ и многие другіе, изучившіе поэму, приходять въ восторгъ отъ ея красоты. Соузи говоритъ: „Меняны еще не съумѣли понять громаднато значенія иль ридмованной исторіи Сиды, какъ поэма. Они до сихъ поръ не создадутъ ничего хорошаго въ болѣе возвышенныхъ отрасляхъ искусства, пока не откажутся отъ лишняго вкуса, который мѣшаетъ иль помѣшаетъ истинную поэзію.“¹⁾ Изъ вѣтхихъ поэмовъ, относящихся къ раннему періоду жизни современныхъ народовъ, поэма „Ниделунги“ способна болѣе всего другикъ (можетъ быть, только за исключеніемъ поэмы „Слово о полку Игоревѣ“) выдерживать сравненіе съ поэмою о Сидѣ. „Ниделунги“, по мнѣнію самыхъ основательныхъ нѣмецкихъ критиковъ, написаны, по крайней мѣрѣ въ насущней иль формѣ, не менѣе какъ полувысокомъ поэме эпохи, къ которой относятся поэма о Сидѣ.

Сравненіе этихъ поэмовъ между собой было бы весьма любопытно; но историческая основа поэмы о Сидѣ всего ме-

1) См. „Quarterly Review“ 1814, vol. XII, p. 64.

ные способности привлекает наше внимание. Въ самомъ
 дѣлѣ, никто не читаетъ ее ради однихъ фактовъ, хотя
 иногда они передаются съ мелочною обстоятельностью,
 свайцербенной монашескихъ хроникахъ, но ради ши-
 вой картины изображаемой эпохи, ея нравовъ и ине-
 ресовъ, которые до этого не походили на наши, это безспорно
 нѣе описание, въ формѣ исторической, мы отнесемъ
 къ нѣмъ фактъ еще холодно, какъ и къ вымысламъ мифо-
 логии. Мы читаемъ поэму о Сидѣ, поэму, что видимъ въ
 ней живую, написанную современникомъ, картину ре-
 царскихъ вѣвѣнъ Испаніи — картину, по истинѣ переда-
 нуто съ гомеровскою прозой. Мало того, что она содер-
 житъ въ себѣ разсказъ о самыхъ романтическихъ подви-
 гахъ, приписываемыхъ самому романтическому герою
 испанскихъ преданій, но она приковываетъ къ свое-
 му разсказу массу бытовыхъ и личныхъ подробностей,
 которыхъ живо рисуютъ намъ характеръ Сиды и его эпохи
 и немного возбуждаютъ нашу симпатію. Возь какъ
 живо описывается ^{напр.} голодъ въ Валенсіи, осажденной Си,
 домъ: *mal se aguantan los de Valencia que non savent ques' far;*
De ninguna part que sea no les viene pan;
Nin da consejo padre à fijo nin fijo à padre:
Nin amigo à amigo nos pueden consolar.
Mala cuenta es, Señores, aver menqua de pan,
Fijos e mugieres verlo morir de hambre. V. 1183-1188.

(«Миледи Валенси не знаютъ, что долаетъ и слышно жалуются. —
 Ни откуда не приходятъ къ нимъ припасы; зжужжно ждуть ихъ. —
 Миледи не можете помочь ни озеръ сыну, ни сыну озеру. —
 Другъ не можетъ утѣшить друга, или развеселитъ его.
 Ужасно, господа, не мнѣть хлеба — и видють,

Какъ дотри и зметнитомъ умирають съ голоду.»)

Плиторъ ^{здесь говорить это лично} рекомендуетъ прочесть всю поэму о видѣ
 озе начала до конца и приходить въ подлинникъ; тогда хоть,
 ко возникнетъ въ насель воображеніи во всей своей
 свѣтлости изображаемая въ поэме грубая, но героическая
 эпоха испанской жизни: — просвѣта правительствъ и пре,
 данное къ нимъ вѣрнаго и благороднаго народа, колосъ,
 самое напряженіе первоначальнаго религіознаго энту,
 зиазма, шивонисный колоритъ правды и обиденной душъ,
 ни въ эпоху смутъ и неурядицы, наконецъ смѣлѣе очер,
 занія національнаго гетія, козоровъ поразитъ насъ и,
 менно въ эту эпоху, когда мы меньше всего разги,
 зываемъ ихъ безрвдцы. Тѣмъ болше взрывается въ
 Это произведеніе, тѣмъ болше проникается душою ои,
 сываемаго времени; а когда озлошимъ поэму въ сторону
 и представимъ себѣ умственное соседствіе Европы въ это,
 ку ея происхожденія и даже гораздо ^{раньше и} поэме, то прихо,
 дитъ къ убѣжденію, что за всяду мѣвъ, прозекшимъ со
 времени паденія греко-римской цивилизаціи до появъ,
 ленія „Божественной комедіи“ (Divina commedia), не было

въ поэтической литературе Европы произведения, съотъ ори-
гинальнаго по формѣ, съотъ богатого чубствонъ, энергійей и
изобразительностью.

III. Хроника о Сидѣ.

а. „Crónica Rimada“:

„Crónica rimada“ или „Римованная Хроника“
дошла до насъ только въ одной рукописи, а именно конца
XIV или начала XV вѣка. Французскій писатель, ученый,
оказавшій не мало услугъ средневѣковой литературѣ, впер-
вые напечаталъ отрывки старинной римованной испан-
ской хроники подъ заглавиемъ „Crónica Rimada de las Co-
sas de España“. Это — извория Метанинъ отъ смерти Пелаго
до Фердинанда Великаго. Она упоминается въ вѣстникѣ Оска
въ его „Catalogo de Manuscritos“ и Тудеромъ въ его изданіи
Хроники о Сидѣ. Она открывается прозаическимъ введені-
емъ, разсказывающимъ о смерти Пелайо (Пелаго) и о пер-
выхъ подвигахъ другаго національнаго героя, Фернана
(Фернандо) Гонзалеса; извория этого же Фердинанда по-
священа и первые главы „Хроники“. Разсказъ о Сидѣ на-
чинается только съ 280-го стиха, а тогда почти все про-
изведение посвящено изворіи Сиды, его семьи и его приключе-
ній, которая разсказывалась не вполнѣ сходно со старин-
ными романсами и хрониками въ двухъ половинкахъ
„Римованной или Скрижворной Хроники“ (Crónica Ri-
mada).

1) въ вѣнскомъ литературномъ журналѣ „Zanwischer den
Literatur“ 1846 г. Band XII.

2) Paris, 1844, in 4-to sur. 106 — 110.

Первая половина.

Возь ея содержаніе: Графъ Тормавъ обидѣлъ Діега Лайнесса. Онъ побилъ его насущковъ и похищилъ сѣдо. Но, звали Діега; онъ прибылъ въ Биваръ, послалъ за братьями и съѣлъ не медля на конѣ. На восходѣ солнца они отъ правились къ Тормасу; они шли пригороды и опуздо, шали все по дорогѣ; уводили вассаловъ и уносили все ихъ имущество, угоняли сѣда съ полей; для большаго бѣзгнѣся они захватили и прагекъ, козороя поноска, ками въ рѣчку. Мѣвъ на везрогу выѣхалъ графъ съ сотней благородныхъ всадниковъ. Тромко закричалъ онъ сыну Лайна Калва: „Осрабъ моихъ прагекъ, сынъ мѣвъ, муанскаго алскада; въ не осмѣлились бы сѣдръ прозубъ мѣвъ, еслибъ насъ было поровну.“ Разгоряченнѣй гнѣвъ, вѣвъ, орѣвгаль ему Руи Лайнессъ, сенсоръ фароскій (дядя Сидя): „Сѣо на сѣо гозовкѣ на бѣжся съ вами гудъ съ гудѣю.“ Уговорилъ на сѣгъ днѣ и мѣсѣа, возбразили прагекъ и вассаловъ; но не возбразили сѣдръ; мѣвъ усернали въ залитѣе дого, гтѣ угналъ графъ. Терезъ 9 судоукъ все съѣли на конѣ. Родригу, сыну дѣна Діега, внуку Лайна Калва, внуку графа Нунво Алваресса и правнуку короля Леонскаго, было всего 12 лѣтъ; 13^й годъ только шелъ ему; онъ еще никогда не видалъ сраженія, и сердце у него сильно билось. Онъ сѣалъ въ число сѣа бѣжцовъ, не спрашивая согласія у отца. Онъ и графъ Тормавъ обдѣльвались первыми ударами. Воины

сжали въ рядъ и начали бить. Графъ не имовалъ смер-
ти: его убилъ Родриго. Сюзня приговорилась къ сраженію.
На нихъ ударилъ Родриго и не оставилъ ихъ въ покоѣ.
Онь захватилъ въ плотоу двоихъ сановей графа и от-
велъ ихъ въ Биваръ.

Узнавъ о смерти оца и плочеиіи Бразевъ, зри
дочери графа — младшая изъ нихъ была Хичема — въ глу-
бокомъ зрауре озправилась въ Биваръ вымаливать
Бразевъ. Родриго безъ всякаго колебанія исполнилъ ихъ
просьбу. „Къ испанцамъ надо быть снисходительнымъ“,
сказалъ онъ. Молодые люди, добившись свободы, хотѣли
было снова начать феодалскую войну; но сестра Хиче-
ма предложила озправиться въ замокъ Заморъ къ ко-
ролю съ жалобой на Родриго. Со слезами говорила она
королю: „Я несчастная испанка: итѣйде ко мнѣ
соураданіе. Внѣ ребенкомъ лишила я матеря. Тенер-
самъ Діего надѣлалъ мнѣ много зла: онъ взялъ въ
плотоу мою Бразевъ и убилъ моего оца. Къ вамъ,
король, обращаюсь я съ жалобой. Сенборъ, оказавъ мнѣ
Справедливосу.“ Король былъ въ болгомъ зазрудненіи;
онъ объяснелъ ей снурное положеніе государева и зрид-
мосу наказавъ обидника, говоритъ: „Въ моихъ земляхъ снур-
за, казирьдеи могуць возраръ, и зогда они надѣлать
мнѣ много зла.“ Когда Хичема Томесъ услышала зри
слова, она цѣловала его руки и сказала: „Ради Бога,

Исторія старо-испанской поэзіи съ XI ст.

государь, не сердитесь на меня зато, что я предложу вамъ.
 Я укажу вамъ средство (какъ можно) успокоить Касти,
 сею и другія страны ваши. Выдайте меня замужъ за Род-
 риго, котораго убилъ моего оуца. Советники короля наши
 я предложенье оное выслушали, и король послалъ за Диего
 и сыномъ звать икъ своему двору. Подвѣдннхъ Диего,
 получивъ писмо короля: оное подозревалъ, что его зовухъ
 на смерть. „Слушай, сынъ мой, говорилъ оное Родриго: я
 не доверядо зривъ писемаль и опасаясь коварства;
 оно въ обычае у королей. Слуши своему королю вѣрой
 и правдой, но берегись его, какъ смертельного врага.“

Донъ Диего хотещъ однимъ оуправиться къ королю,
 а сына оуслать въ старо; но сынъ несогласенъ на это
 — оное оуца не покинетъ. Они оуправляются въ заморю
 во главѣ оурда изъ зоо владннхъ. Передъ верумені-
 емъ въ городъ, Родриго велитъ приговорить оружіе и от-
 даетъ такой приказъ: „Слушайте, друзья, родоубвенники и
 вассалы моего оуца! Слушайте вашему господнику безъ
 обмана и безъ измѣтны. Если бы увидише, что алгвазилъ
 хотещъ схватить ^{моего оуца} убите его, алгвазила. Если бы и самого
 короля убите, вась никто не казаверь измѣтничали,
 какъ каковъ мы не его вассалы. Измѣтничкомъ будетъ
 король, если оное убите моего оуца зато, что я въ все-
 номъ бою поразили нашего врага.“

Диего лайтось поцалованъ руку короля, а Родриго

не хотѣлъ этого сделать. Инакъ у него была длинная, и испуганной королю закричалъ: „Убедите этого окаянного!“
А Родриго сказалъ на это: „Лучше мнѣ гвоздь (въ голову), чѣмъ служба у васъ. Мнѣ сердце, то овецъ цѣлцерь у васъ руку.“ Король обратился къ графу Озорио, своему нѣ, другу: „Приведите скорѣй довицу и пожените этого гор, деца.“

Родриго женили, но онъ былъ сердце на короля и поклялся, что не поцѣлцерь у него руки и не увидитъ, ся съ женой, пока не побѣдитъ въ пяди большихъ бит, ваяхъ. Начинается описаніе военныхъ подвиговъ Родриго, который при всякомъ случаѣ напоминается королю о своей независимости. ^{до брака} Положивъ одного маврскаго коро, ля и взявъ богачку довицу, отъ хвасцера своимъ усталомъ передъ Фернандомъ. „Я все прошу зѣть, говоришь королю Фернандовъ, если ты дашь мнѣ пядю газы своей довицы? — Объ этомъ нечего и думать, говоришь Родриго: лучше на, грани я зѣть бѣдняковъ за ихъ зруды, дашь, что слѣдуетъ, въ церковную десядину, потому что не хочу бѣгъ грѣшны, комъ, а изъ своей газы дашь жалованье зѣль, которые защищали меня? За-то Родриго выскунаетъ бойцомъ за короля, когда враги зредуютъ поединника. Въ одной изъ битвъ съ маврами погибли овецъ и зрое дядей Родриго, отъ жесдоко оземель за ниль. — Это въкращень содер, зтаніе первой половины зржазворной или рюлованной

Хроники.

Взорава половина.

Взорава половина, Хроники (Crónica rimada) излагають войну Фердинанда съ Франціей. Король французскій и императоръ германскій похребовали дами въ касхильцевъ. Когда императоръ германскій похребовалъ оу Фердинанда даме присяги въ вѣрности, — послѣдній не зналъ, что дѣлать, и горько жаловался на судьбу свою. Малобѣ дѣлать никто не слушалъ. Наконецъ оубо рѣшилъ ся послать за сидомъ. Родриго Сидъ насущиваеъ на не, обходимоу оубогаеъ на это хребованіе должималъ образъ — войска. Подробно исчисляются силы обѣихъ арміи. Къ королю французскому, кромѣ императора германскаго, присоединяются еще папа и графъ савойскій. Особенно подробно описываются бѣзвы касхильцевъ съ савойцами. Передъ бѣзвой король Фердинандъ обращается къ своимъ съ закоу речею: „Бароны! кто едилалъ меня королемъ и господиномъ Испаніи? Ваша скромность, дворяне. Вы назвали меня господиномъ и поце, лобали у меня руку. А вѣдѣ я закоу же человекъ, како и вѣсь вы.“ Король хогееъ поручитъ Родриго свое знамя, но роеъ оуказываетъ; оубо зомко проехой оруженосецъ и не доухонитъ закоу чести.

Когда графъ савойскій увидѣлъ Родриго съ его отрядомъ, оубо послалъ спроситъ у него обѣ его званіи и

и кнени. Я самъ купца, промисски оубогаемъ Родриго; мой озецъ продавалъ сукно; две мизуки его доделалосъ мнѣ въ наследство, и я дорого продавалъ ихъ. Графъ савойскій побъдился и вѣнцо выкупа за себя предлагаеъ Родриго своего красавицу-дочъ, но зорь оубоидиъ ее въ срабкѣ короля; погомъ Родриго разбитъ соединенныя силы вѣнцъ и еврапей, скилъ народомъ, грозившимаъ его королю. Въ время перега, воровъ о мирѣ, Фердинандъ оуправился съ Родриго въ не-прѣдѣлскій лагерь, гдѣ ниско не мовъ оумилитъ коро-ля оубъ вассала. Фердинандъ предлагаеъ наконецъ Си-ду пресомъ свой, оубъ козорого послѣднѣй оубаживаеъся, а кордо вызываеъ на бой перовъ Францезин.

Изъ критикъ.

Послѣднѣй — 1126-й сунтъ — рѣзко оубраваеъся на половинѣ, какъ будзо перенесены бѣль кѣмъ нибудъ прервалъ, хоуа мѣтъ никакихъ указанѣй на то, чтобъ его работа бѣла близка къ концу. Словомъ, 'Хроника' не окончена.

Нѣтъ сомнѣнѣй, что 'Стоника Rimada' (Ридмовак-ная 'Хроника'), въ формѣ видѣть, какъ она дошла до насъ, представляеъ амальгаму изъ нѣсколькихъ поэмъ раз-мѣтнаго времени и досроисерва, амальгаму нецѣлѣмо сооубавленную и плобо, безграмоуно перенесанную. Древнѣйшая ея часть — первая половина; изелѣдова-тели оубоидиъ ея основную редакцию къ концу XII столѣтѣя. Въ ней рѣзко высунаеъся феодальная тенденция,

1) Она именно изразалъ плацъ, на знанѣя своему оубраду.

которой собственно не знаешь *Poeta del Sid*. В я герой — идеал
 буйных феодалов, открыто издевающихся над королем,
 ской властью, уважавшими только личность доблест; ра.
 царство только слегка и только с внешней стороны как
 насчет смягчает их грубые нравы. Канвой для поэта
 служили народные сказания и, может быть, романы
 о Сиде, но они пересказывались и изменялись по своему
 произволу. Так, напр., о Хименте повествуется, что она
 имела двоих или троих братьев, которые были владыки
 в племени маврами и освобождены Сидом; Сид женил
 ся на Хименте по приказу короля, прогнать своего жителя,
 после брака он отправляется в Париж, в эпоху 12-го
 века, и там совершает ряд подвигов, описываемых
 в рыцарских романах. Это уже нечто собственное,
 кое. Но помимо этих нововведений и старинных исто-
 рий — как уже сказано — изменяются и рассказы подроб-
 ные: так, напр., милосердие Сиды к прокаженному
 описано гораздо картиннее, разговор Химента с коро-
 лем и Сиды с его отцом изложены в виде диалога,
 между некоторого поучения на драматический эффект.

Взрыв половина — война с Францией — такая же,
 думка. Во всем этом рассказе нет ни одного истин-
 ного события; только не менее из него можно, с одной
 стороны, видеть древнейшее воззрение на Сиды, с дру-
 гой — особенное свойство древней испанской поэзии,

принадлежности ей исключительно. Въ ней мало ирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего метафизическаго; она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по своему не редковывается исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фредерика I, его эпоха уже была совершенно искажена народными поэтами. Ему была предсказана отчасти та же роль, какую Карлъ Великій играетъ въ романахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняется Воланда и Оливьера.

Сгаритивый романъ говоритъ также о поступкахъ Сиды съ напото. Рассказъ, содержащійся въ этомъ романѣ, съ принадлежнѣе къ той же сфере, въ которой описана въ баснословной войнѣ Фредерика I, его побѣда надъ германскими императорами и взятіе кастильскими Па. ризиа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ напото — дѣло народного воображенія, приводившее своего любимца въ соприкосновеніе со всеми владыками того времени. Сидъ, впрочемъ, не былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго сословія: низшіе классы народа также приобщили его себѣ. По нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сиды была прослая крестьянка; по другимъ — отецъ его былъ мелшникъ. Звуча его, ирландцы Каррионскіе, жаловались, по свидѣтельству романа, на то,

что иль, сыновьямъ королей, родоубиенниками императоровъ, пришлое зменшся на догрядяхъ пахаря. Такимъ образомъ Сидь принадлежишь по рождению двумъ сословіямъ, въ которыхъ преимущественно обращалась народная поэзия. Позже той эпохи были въ то же время монголами, переходили изъ замка въ замокъ, изъ деревни въ деревню и тѣмъ замъ свои произведенія. Они мало посещали города, и горожане, въродуно слишкомъ замкнутое материальными интересами, рѣдко являюся въ поэмакъ и романахъ. Монголы говорятъ только о дворянахъ, да о крестъ, янезвѣ - сословіяхъ, которыхъ, по положенію своему въ Ка. сунли, были тѣсно между собою связаны и заодно поддерживали феодальныя начала. Оуношенія касунгскихъ городовъ были собственъ другія: пользуются значительными муниципальными льготами, они очень рѣдко вступали въ споръ съ монархическою властью и досравили ей, въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями или германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальными дворянствомъ.

Въ общелъ эта рисованная или срихорворная хроника являеся болъной обработкой схаринныхъ преданій, составленной въродуно въ XV столѣтіи, когда рыцарскіе романы начали входить въ моду, и пришлое съ изъльго включишь Сидя въ число героевъ рыцарства.

Различъ поэма - какъ и можно назвае эту хронику -

длинные стихи сардинской испанской поэзии, с цезурой по середине и с ассонансом (созвучием) на a и o в конце. Но весьма часто встречается здесь неправомерно, сри: есть стихи в 20 слогов слишком, а в некоторых стихах ассонанс не выдерживается. Все это доказывает, что автору хорошо были знакомы сардинские романсы и что он знал и древнюю поэму о Сиде. Птичкова приводит к поэме созвучившие стихи ^{соответствующие стилям} ~~стиха~~ обоих произведений. Из поэмы о Сиде:

*Veredes lidiar a profia stan firme se dar,
Atantos pendones obrados alzar e abaxar. . .*¹⁾

Из Хроники: *Veriedes tantas lanzas premer e alzar;
Tanta adarça a foradar e pasar. . .* (I, 19).

Дюрань Бангсвилль новое издание поэмы о Сиде с предисловием и примечаниями во вступительной части своего Романа (1852 г., стр. 647-664). Он приводит к заключению, что „Poema del Sid“ гораздо сардинейский, чем „Crónica Rimada“; но он, повидимому, не замечает, что Хроника, как подразнает поэма. Он упоминает однако о том, что Хроника замечательна много из сардинских романсов и делает добавления к поэме Сиде без ссылки на источник. Все это подтверждает мнение Птичкова, что „Crónica Rimada“ произведение гораздо позднейшее, чем „Poema del Sid“. Однако до сих пор держится много мнений, хотя он и разговаривает, что язык Хроники

1) es muy anterior (стр. 649).

2) J. I. p. 623-637.

относится къ Ху селасио, но приводить въ доказательство ея глубокой древности романъ, который, подобно другимъ романсамъ, левъ въ основу хроники и, следовательно, между слухами доказательствомъ, что хроника болѣе позднѣйшее произведение, чѣмъ поэма. Объ эри поэма о Сидѣ представляюще нѣкоторое сходство съ „Chansons de geste“ северныхъ французскихъ поэтовъ, и Волсфъ предполагалъ, что испанскія поэмы были подражаніемъ французскимъ.¹⁾ Но Пикторъ и Доли держатся совершенно противоположнаго мнѣнія.

Срасскиль и поэтизмъ левъ любовниковъ левъ, ерся Сидѣ въ романахъ позднѣйшаго происхожденія. „Римованная Хроника“ представляюще его отношенія къ Хименто советель въ другомъ видѣ. Сидѣ поэмы имѣюще очень мало общаго съ Сидомъ романсовъ рыцарской эпохи и еще менше съ Сидомъ Корнелевой драмы. Къ тому и другому ближе Сидѣ „Римованной Хроникѣ“ (Crónica Rimada).

в. Хроника Сиды. („Crónica del Cid“).

Кромѣ нѣмъ уже извѣстныхъ памфлетиковъ — но, эми о Сидѣ (Poema del Cid) и „Римованной Хроникѣ“ (Crónica Rimada) — Сидѣ посвящена еще цѣлая прозаическая хроника (Crónica del famoso cavallero Cid Ruy Diaz Cambrador), составленіе которой относится къ самому концу

¹⁾ С. в. Wiener Fabelbücher, Band CXVII. S. 110.

средних веков; въ ней, какъ и въ „Обицей Хроникѣ“ (Crònica de Galícia), на которой, какъ полагаютъ, она основана, война съ Франціей играетъ не послѣднюю роль. Битва Сиды съ графомъ савойскимъ востановляется въ романахъ, сходящихся въ лигеразурной ^{связи} прозаической Хроникѣ.

Хроника Сиды (Crònica del Sid) — менѣе изслѣдована, чѣмъ многіе разсказы, непосредственно ей предшествующіе. Но мы не должны забывать, что хроника эта во всякомъ случаѣ есть великое народное сказаніе о подвигахъ великаго народнаго героя, освободившаго северную часть своей родины отъ ненавистнаго лаврсака иа и мнѣ козорога до сихъ поръ связано съ славнѣйшими воспоминаніями Испаніи. Она начинается описаніемъ первыхъ подвиговъ Сиды при Фердинандѣ Великомъ и касается весьма поверхностно его ранней юности и необыкновенныхъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ романахъ и сгаримной эпикѣ, послужившей Корнелью источникомъ для его трагедіи. Затѣмъ она сообщаемъ мертвцомъ съ мельчайшими подробностями почти весь приключеній, приписываемый ему сгаримными преданіями, вплоть до его смерти, въ 1099 году или скоропослѣ смерти Альфонса VI, послѣдовавшей десять лѣтъ спустя.

Въ ней встрѣчаются не мало мѣстъ, подобныхъ слѣдующему прекрасному описанію чужбы и поведения

Суда, когда оны освободилъ свой доброй замокъ Биваръ, что бы оздравилъ въ изгнаніе по несправедливому и неспоконному приговору короля. Возь это мѣсто:

«И когда оны увидалъ свои дворцы опустѣлыми и покинутыми, напелъ же соколовъ, введя въ ворота безъ судейской скамьи, оны обратился къ воздоху, преклонилъ колѣна и сказалъ: „Своя Марія, мать наша, и въ, въ святыне, помощи Бога, чтобы оны даровалъ мнѣ силу уничтожить вѣкъ язвѣнниковъ и захватитъ добычу, доса, догнута, чтобы одаритъ моихъ друзей и вѣнать, сопроводитъ, дающихъ и помогающихъ мнѣ.“ Захотѣ оны приблизилъ, съ, подозревалъ Алвара Франеза, и сказалъ ему: „Двород, мой братъ, неужели бѣдѣе долгины оубытаетъ за то зло, которое намъ сотворилъ король? Предупреди же насъ нашихъ людей, чтобы они не зрели никого, где бы мы ни были.“ И оны потребовалъ свою верховную лошадь. Тогда заговорила старуха, стоявшая у дверей, и сказала: „Утѣшайте съ добрымъ счастьемъ и все, что вы ни найдете и чего ни помете, маете, будьте вамъ.“ И Судъ, услышавъ это предсказаніе, прищипорилъ коня и не ходилъ болѣе медленн. И въ, пѣлавъ изъ Бивара, сказалъ: „Теперь, друзья, я хочу, что бы вы знали волю Божью, что мы вернемся въ Иасу, или съ большими погасами и большою добычею.“

~~Приведенной много оубытаетъ изъ этой прозаической хроникки были вторично, навѣявъ первыми дошедшими~~

Вамашленный или ньюъ, по зрѣнь разказа, на
срочно полно и ярко озражаетъ дѣль эпохи, что мѣль,
гайшій подробноези его посядъ на себя негарт дождовар,
носки. Кроме зого приведенной мною озравокъ изъ зрѣн
прозаической хроникки бѣль, втородуно, навѣдѣтъ, мер,
бѣли дошедшими до-насъ, срихали изъ „Поэма о Сидѣ“.

Возь созвоуезвучиозие срихи изъ поэма:

De los sos oios tan fuertes mientre loando
Tornaba la cabeza, e estabalos catando.

Vio puertas abiertas e uzos sin cañados,
Alcândaras vacias, sin pizelles e sin mantos,

E sin falcones e sin adtores mudados.

Sospirò mio Cid, ca mucho avie grandes cuidados.

(. Торско мѣла своими глазами, онъ повернулъ голову
и сриль спозрѣлъ. Онъ увидаль озеррвѣя ворожа и клѣдо,
бѣя бѣзъ замковѣ. — Онъ увидаль бѣталки пѣзвѣд, бѣзъ шубѣ
и плазѣя и намесѣи бѣзъ соколовѣ и ворредовѣ. — И вздах,
куль мой Сидѣ, ибо у него было много великихъ забѣзъ).

Другѣя мѣста съ законо зие очевидноезѣта замесѣво,
ванѣ изъ поэма. — Нѣкозорѣя геррѣ правовѣ въ зрѣнь не,
болбиомѣ озравокъ, какъ, напр., упоминанѣе о сѣдѣли.
щаль, усроенныхъ у ворожѣ замка, гдѣ Сидѣ въ пѣзрѣар,
халенѣя просозѣя чиниль сѣдѣ надъ своими вассалами,
и пророчесѣво, усмозрѣтливѣе мѣль въ просозѣя пожелѣ,
ни сѣарухѣи, повидимѣому, одушевливѣмѣ Сидѣ бѣльѣ,

тѣмъ только что произнесенная или молва, или како-
нибудь смѣлая надежда, влекущая его къ маврскимъ гра-
ницамъ, — закія герцоги придаютъ старой Хроникѣ жизнь
и жизнь, переносятъ насъ въ эпоху Сиды и какъ бы застав-
ляютъ переживать переживанія или ощущенія.

Конечно, Большая часть этой Хроники даже не бас,
но словна, какъ баснословныя, напр., рассказы о Бернардо
дель Карнио или объ Инфранцаль Лары, хотя были бы пре-
обладающе въ ней меньше, тѣмъ можно было бы ожидать отъ
сочиненія, возникшаго въ такую отдаленную эпоху и
проникнутого такой тенденціей. Слово же такое сообразу-
ется съ романтическому характеру; оно больше ^{weit entfernt} разма-
шисты и развѣтлено, тѣмъ слово лучшихъ повѣствованій
Всеобщей Хроники (Crónica General). Съ другой же сто-
роны Хроника Сиды (Crónica del Sid) проникнута вполне
духомъ своего времени, и предвѣщаетъ намъ въ рѣшную кар-
тину, какъ великодушныхъ добродѣтелей той эпохи, такъ
и свойственнаго ей грубого насилія, такъ что ее, по всей
справедливости, можно считать однимъ изъ лучшихъ книгъ,
необходимыхъ для ознакомленія съ двѣнадцатымъ са-
раценомъ и нравами рыцарскихъ вѣковъ.

Если мы къ этимъ драгоценнымъ герцамъ присо-
единимъ рассказы, содержащіеся въ прочихъ частяхъ
Всеобщей Хроники, то у насъ сообразится обширное собра-
ніе поэтическихъ рассказовъ и романтическихъ приключеній.

чений, принадлежащих ко временам первоначальной истории Испании. В это же время мы получаем ясное представление о соседних народах в эту земную эпоху, когда словенские элементы новейшего одиссеевского сфера только что начинали выдвигаться из хаоса, где они долго перерабатывались и, вышедши из козорого, они в это же время вконец совершенно преобразовались в коллизионной формы, козоровой пытке слушать заложить прогностическую, визуальную и мирного общения людей.

Во Всеобщей Хронике Альфонса X характер Сиды является уже восточно-славянским. Король-мозговитов не только тирарь соучебствую к маркуитому вассалу кобоф, но приводить замечательнейшие иль из арабских историков показания о существовании Сиды. Зато от подробная, с ее отношения к Альфонсу VI в лучшем и больше приличном наездничеству рыцарству видя, только Рима, восточная Хроника (Crónica Rimada) и даже Повесть о Сиде (Poema del Sid).

На историю Сиды смотрели первоначально как на необходимую часть Всеобщей Хроники. Доходя до IV части, к козоровой донкервизентно отнесены историей Сиды, мы восточные, часть президе всего главы о восточном на престоль сферти, канда Великого и зачать историю Сиды в связи с историей, его царствования Фердинанда, Санчо II и Альфонса VI. Все это представляется почти чуждое, а не отдаленную хронику.

1) Crónica General, Ed. 1604. Parte III, p. 92 b.

ку Сиды, такъ это когда понадобилось выдвинуть ее въ видъ самопроизвольнаго соизволенія, то пришлось взять зрѣи цар. свѣдѣній вѣстепочинѣмъ государей, предпославъ или главу, описывающую событія, совершившіяся за десять лѣтъ до рожденія Сиды и закончивъ нѣзю главами, заключаю, щими въ себѣ описаніе событій, совершившихся въ первое десятилетіе, послѣдовавшихъ за его смертію. (Зрало-бачъ, это дѣйсвѣствено скорѣе хроника зрѣиъ королей, гдѣ хроник. ка^{Сиды} или хроника Сиды) съ извлеченіемъ изъ Всеобщей хро. ники, или гасъ ея.

По лѣтѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическыя поидзій и рыцарскыя идеи, создавали романовъ болѣе и болѣе смѣлнатоу суровнѣ черзъ насровицаго Сиды и при, блиснатоу его въ своей эпохѣ. Зрѣи романаи выхисени изъ народнаго упохрежденія другіе, болѣе древніе палвз, ники поидз, въ козорынѣ дѣйсвѣственосѣ озрамлѣт глнзе и вторитѣ. Мозорія и поидз дѣйсвѣствовали въ зрѣи слухѣ за одно. Даче Фрнцнзъ II увлѣлся общнми напав. лѣтнелѣ и пнзалѣ глудокое уваженіе къ палвзрн пред, сфавнзельд ^{Storrer} сфроннзвой аристокразіи, козорая такъ долго задержнвала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монар. хнстескаго начала.

Но такъ или иначе, мы уже довольно основательно ознакомимся съ хрониками, поидзми и романсами о Сидѣ, но козорынѣ послѣдннхъ впервое, благодаря

1) 'Crónica del Cid.' Внзгод, 1593.

1) Описывая себя певцу, Аполлоний прибавляет к царю анфиолийскому, который был в связи с родной догермо и отдалкивал женихов трудными загадками. Аполлоний разуме, миль загадки и туль не погидь за это. Спасается от Анфиола, от похотывающ кораблекруше, ние, кишимь попадающ во владык царя Архисира, выобляющ в себя его дог и манифя на ней. Приглашен, най по смерти Анфи, она занял его престол, испанского эпоса, и которое в переводы Муховенского оть на тузи ишающа, которая однар, ла посылт родошь и, какъ зреть, была

переводу Гердера (1805г.), Европа узнала о существовании испанского эпоса, и которое в переводы Муховенского (1832г.) соделали Суда популярным и у нас на Руси.

существова с корабля, обрающ догъ свои на воссияние и снова пускающ припадлеманция неувоскресенья авторы.

сфракероватъ. догъ его, едва За Сидомъ' следующъ зри поэма, какъ же апокиркая не погидая отъ забвения, какъ и поэма о Сиде. Онь веть зри находящъ вь одной и шадносри воети,

факалей, попадающ вь руки морскихъ разбойниковъ, а отъ нихъ вь публичной дающъ язикомъ и счимель по крайней мере относительна первой изъ книгъ.

домъ, где однакже ценитьбася собрание своего невинносъ-Повнестъ оканчивающ съ ослзливо: Апол, лоний сирва находящ своего догъ, а позошь и шену, и дълающъ царель вь Анфиолиа.

Эпо-гресская сказка приуроченная къ нескель, киль огелъ извоощимель тисрносимель и обраборан, наль какиль-кидубъ ро, ламисерель Хрисзиам, ской эпохи, вь родитъ Ксенофонта Гресского (сн. Коринт, г. I, стр. 1243). Она излагающ некорин сфракероватий и три, кльогеней кебывала, го царя зирского Аполлоний.

1.) Первая поэма рукописи носилъ название, Книга о вь Аполлоний' или, Жизнь Аполлоний, принца Турского; Эта повнестъ тли поэма соепоуъ изъ 2600 стиховъ, раздъ, летныхъ на куплець, изъ которыхъ касидий соепоуъ изъ гезирель сзрокъ и кончающъ одной и той же римою. Вь началъ авторъ говорищъ отъ своего имени: "Во имя бо, га и св. Марии, - есмъ золько они помогутъ мнѣ - я хотиль бы сочиниль романель повнестъ способиль о добромъ коро, лть Аполлоний и его роцарской учтивосри." Воль со, дерсонамие: "Исказали мнѣ безрочасель кое-какия подробно, сри о правахъ современной эпохи, касиду прочимъ млобо, пазное описание одной шенцима шотггера (жизля, тесса) или по крайней мере иновншей претензие бибъ шотггерамъ. Шенцима-шотггелеръ признавалемъ са, миль презретьмилъ классомъ обидеюща. - Помимо интереса содерканий, повнестъ одолжена своей популярносри форму одобрялсеску, что на, пала вь распросраменитвиймъ латинский собрание анекдотовъ и повнестей, извоощимель подъ названіемъ, Тилскихъ дѣвий (gesta Romanorum)."

1) Переводъ посканскихъ главъ изъ него см. Куртумискова: Очерки изъ некорин средневѣковой литературы, 265 и след.

История Аполлония, которого обыкновенно называют
 принцем Тирским и о приключениях которого расска-
 зывается в этой длинной поэме, сначала заключена в
 153-ей повести „Gesta Romanorum“. Эта повесть во всяком
 случае древнее цыгана сборника; она загадочного проис-
 хождения, но которая ^{на}мазь хорошо известна, поэтому что
 она рассказана в основной книге „Confessio Amantis“
 Гауэра и положена в основу приписываемой Шекспи-
 ру драмы „Перикль, принц Тирский“. ¹⁾ Подлинник этой
 повести греческая поэма довольно древнего происхожде-
 ния. Она не дошла до нас и мы знаем ее только по
 финскому переводу. ²⁾ У нас повесть об Аполлонии пона-
 дается кроме Финских сказаний ^{(во многих списках, что}
^{Gesta Romanorum)} свидетельствует о большой ее популярности в старину. ³⁾
 Содержание же нашей стихотворной повести замечатель-
 но почти без переломов из латинской обработки
 греческого подлинника, сохранившейся в большом числе
 рукописей, сборнике средневековых повестей и раз-
 сказов, известном под именем „Gesta Romanorum“. ⁴⁾

Новый способ сочинения или новое искусство (имена
 maestria) которые относятся здесь разве только к поэзии,
 к куплету и его рифмовке, но в других сочинениях
 стихосложение поэма ни чем не отличается от поэмы
 о Сиде, разве только размер выдержан здесь строгие
 и язык более правилен. Этого художественных достоинств

1) Ch. Douce, „Illustrations of Shakspere“, London, 1807. Vol. II, p. 135.

2) Изданию Лараньи в Библиотеке Скриптории Французской Библиотеки, Vol. XLV.

3) Она издана Н. С. Писковиковым в Мозонисях Русской литературы III. I. Москва 1857.

4) Swan, перевод „Gesta“, London, 1824, Vol. II, p. 164-495.

поэма, что они ничтожны. Главная прелесть поэмы заключается в ее заглавной фразе, ^{но} хотя фраза эта не оригинальна. — Вздор говорить:

Estudiar quærit
Componere un romance
De nueva maestría.

(Я хотел бы сочинить романсы новыми способами.). Романсы здесь очевидно обозначают рассказы; и, сколько известно, но, это самое древнейшее определение слова в этом смысле. Maestría, в старом английском maisterie обозначает, как напр. у Лосера, искусство или науку, слово, которое впоследствии было искажено в mystery.

2.) Вторая поэма называется: „Мужья святой Марии виллежской“ (Vida de Sta Maria de Villegas), — праведницы, пресн. де тиллой гораздо больше, чем в женск. Возв начало поэмы, доказывающее (как Пикторь предполагать), что она была предназначена для публичного чтения:

„Слушайте меня, господа, слушайте меня, кто правды, ва мой повесть, как только можете быть, — вслушайтесь ее сердечны, — дабы Господь Бог даровал вам свое прощенье.“ — Мужья этой святой вероятно озвергалось мучительными глазами той самой церкви, которая пригласила ее к лицу священной. Какого являлся Мария в древних преданиях, такого нам и изображает ее и поэма. Св. Мария виллежская пользовалась большим почетом

и по передилка старой греческой повести. — Древнейшие поэмы поэмы о Суде и, может быть, гаси. „Хроники“, схинозворные канонические Испания сфера как раз книга об „Аполлонии Пиреком“, и она пользовалась огромной популярностью в средневековой Европе. Форма испанской повести — 14-сложный гекзаметр.

въ Испаніи и Португаліи. Жизнь ея описана Педро Ри,
 Баденейрой въ 1609 г. и Диего Васъ-Карилло въ 1673 г. Мифо-
 рія или похождения ея также подробно разсказаны въ
 „Flos Sanctorum“ первого и переведена въ болѣе привлека,
 желской формѣ Бартоломеомъ Каираско де Фригуэрой въ
 концѣ его „Templo Militante“ (Valladolid 1602), гдѣ они за-
 нимаютъ около 130 восьми строчныхъ строкъ. Жизнь-
 мифорія жой же святой послужила сюжетомъ и для драмы
 Монзалсвана „La Gitana de Menfis“. Въ Римѣ на берегу Тиб-
 ра существовать церковь, посвященную Маріи Египетской,
 козорадъ была построена изъ прекрасныхъ развалинъ древ-
 няго храма въ честь Fortuna Virilis. Жизнь этой святой
 многіе считали апокрифическимъ или происхо не найди-
 ли удобныхъ излагае его.”

Жизн. Педро Ри,
 Баденейры

По отношенію къ внешней формѣ можно замѣ-
 тить, что стихосложение поэмы значительно отличается
 отъ стихосложения другихъ поэтическихъ произведеній
 Калдвилл, относимыхъ къ той же эпохѣ или даже къ бо-
 лѣе ранней порѣ. Поэма написана короткими стихами
 въ 8 слоговъ и раздѣляется такъ же на куплеты, какъ и
 „Жизнь Аналлоид“, лишь по временамъ, въ виду не-
 брешности абзора, стихъ доходитъ до десяти или одиннадц.
 пяти слоговъ, и кое-гдѣ попадаетъ по фри и даже по че,
 въре стиха съ одной и той же рифмой. Въ противоположи-
 ность величавому тонъ поэмы о Сидѣ она отличается

1) С. В. Бауле, Dictionnaire Historique et critique, Amsterdam, 1740,
 Т. III, р. 334-336.

легкими и даже маловливыми характеромъ, а съ сущю, сложеніе, зонтъ и французскія слова, коегдѣ попадаю, идѣсь въ ней, даюць поводъ къ предположенію, что сѣ. языкъ ея заимствованъ изъ старыхъ французскихъ диалектовъ или по крайней мѣрѣ написанъ подъ вліяніемъ ихъ легкаго и шутливаго сущія. Муссафия намекаетъ на сѣ. диалектъ, откуда была заимствована испанская поэма,¹⁾ и опровергаетъ мнѣніе Мила у Fontanals,²⁾ что она заимствована изъ провансальской поэмы.

Вся поэма заключаетъ въ себѣ около тысячи герм. речей сущю, сущія, много монашескихъ, и имѣетъ значеніе зонтско какъ панъзонтскій языкъ современной ей эпохи. Взоръ возноситъ св. Марію Египетскую такъ свободно относясь къ содѣяннымъ ижекамъ (закъ св. Зо. сила у него образился въ донна Тодинаса) и въ фактъ шиваихъ краскамъ изображаетъ любовный похосиденія Ма. рин, дамы прекрасной и гордой зталомъ, что скорый мочи, но приравндѣ ея къ панъзонтскимъ ижекамъ, обрабо, рывавшимъ свѣщенныя созиды, зтомъ къ сущюзворцамъ монахамъ, слѣдовавшимъ непосредственно латинскому фексезу; но съ другой стороны длинная молубы, побиди, ному, указываютъ на его духовное званіе.

3) Презвѣя поэма носитъ названіе „Поклоненіе тремъ свѣтымъ царямъ“ („коралей“) или „Книга о зрѣмъ царямъ возростныхъ“. Именно, за не рукописей, гдѣ нашли „Аномонидъ“ ^{Ширеканго} заключающъ

1) Вн. Sitzungsberichte der Wiener Akademie, 1863. Phil.-Hist. Classe, B. XLIII.

2) Сл. Travadores 1861, p. 511, 512.

вз себя две поэмы религиознаго содержания: „Музе го-
сподни св. Марии Бгинецкой“ и „Поклонение зрель связных
царей воеводных“. Последнее произведение начинается древ-
нимъ преданіемъ о зрель вояхвалъ, пришедшихъ съ Воевода.
Въ этой книгѣ соединена исторія вояхвалъ съ апокрифи-
ческими разсказами о приключеніяхъ св. семейства на пути
въ Бгинецъ. Но главный сюжетъ — мученіе святого семей-
ства разбойниками во время вояхвалъ въ Бгинецъ, и исцеленіе
отъ ужасной проказы дитяи одного изъ разбойниковъ
посредствомъ погруженія его въ ту самую воду, козюратъ слу-
жила для омовенія Спасителя. Далее разсказывается, какъ
горько ищущий ребенокъ превратился впоследствии
въ добраго разбойника, расказанаго на право отъ Спасителя.

Эта рисованная легенда отличается зрѣлыми еще перомъ,
вильносухими размерами и схиасмологическимъ ^{какимъ предыдущимъ.} ~~этимъ~~ сюжетомъ всего
изъ 250 стиховъ и принадлежитъ къ весьма популярному
на Западѣ роду лифранцузскихъ произведеній.

Объ послѣдній поэмы, „Исторія святой Марии Бгинец-
ской“ и „Книга о зрель царяхъ воеводныхъ“, были написаны
впервые извѣстными государственнымъ чиновникомъ и членомъ
парламенту Пидгалемъ въ „Revista de Madrid, 1841 г. и, по все-
му видно, съ весьма плохими епископомъ. По крайней мѣрѣ
въ нихъ больше ошибокъ прозвучь орфографіи и схиасмо-
логическія, чѣмъ въ книгѣ объ Аполлоніи. Отсюда ясно, что
они должны быть отнесены къ болѣе позднему времени, ибо

тѣмъ основаній думаетъ, что первообразъ ихъ - французскія фадлго были известны въ Испаніи раньше той эпохи, къ которой обыкновенно относятся книги объ иномани Тиреконь.

Рукопись, въ которой находятся все эти три поэмы, долгое время была известна только по отрывкамъ изъ нея, приведеннымъ Родригесомъ де Насеро въ его „Biblioteca Esrañola“, обзорѣ испанскихъ сочиненій, авторы котораго, родившіяся въ Толусин, въ 1739г., умеръ въ Мадридѣ въ 1799г. Первыи томъ, напечатанныи въ 1781г., in Folio, заключаетъ въ себѣ хронологическій перечень раббиническихъ авторовъ отъ древнѣйшихъ времени до конца XVIII столѣтія, которые писали на еврейскомъ, испанскомъ и другихъ языкахъ. Второю, вышедшею въ 1786г., содержитъ такой же перечень испанскихъ писателей, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, писавшихъ, какъ по латыни, такъ и по испански, до конца XIII столѣтія. Оба тома представляють собой нечто въ родѣ компіляціи, составленной безъ всякой системы; литературная критика въ нихъ слаба, но многочисленныя матеріалы, извлеченныя изъ множества рукописей, весьма цѣнны, и въ числѣ ихъ не мало фактовъ, которые нигдѣ не напечатаны. Именно въ этой сочиненіи и было первоначально помѣщено свѣдѣніе о фрежъ, ^{иной томско-то} нази ^{прожденнахъ}, поэмѣ, которая впоследствии была издана Самгесомъ въ его „Coleccion de Poetas Anteriores al Siglo ^{decimo quinto} XV, на основаніи списка, сдѣланнаго

1) Число ихъ доходитъ до 200.

2) Madrid, 1786, Vol. II. p. 504-505.

3) произнеси: *decimo quinto*

съ подлинной рукописи, находящейся въ Декуріанъ (и по-
 могомъ знакомъ III К.) Вели судитъ по извлеченіямъ Ка,
 суро, — орфографія рукописи несомненно соблюдена въ копін,
 легшей въ основу парижскаго изданія.

Наконецъ изъ всего нами изложеннаго ясно, что поэ-
 зія первого вѣка испанской литературы, подобно древней,
 шей поэзіи другихъ европейскихъ народовъ, есть поэзія асо-
 ническая, т. е. неизбѣжныхъ абзоровъ, ибо званіе сочинителя
 не представляло особой привлекаемости и почета для публики,
 которое не выдѣляясь изъ народа, писали на языкахъ, рози,
 давшихъ въ Европѣ. Невозможно даже опредѣлить, изъ ка-
 кой именно части Испаніи, завоеванной христіанами,
 дошли до насъ упомянутыя поэмы. По языку и тонъ мы
 можемъ думать, что поэма о Сидѣ сочинена въ той по-
 сраничной местности, гдѣ происходила война съ мавра-
 ми, въ направленіи Валенсіи и Каталоніи и что первое
 романсы, съ которыми мы уже ознакомились раньше, за-
 родились въ самую пылу борьбы и дышащъ ея духомъ.
 Понимая подобныя же умозаключенія можно придти къ
 выводу, что поэмы болѣе религіознаго характера сложились
 въ болѣе спокойныхъ областяхъ сѣвера, гдѣ было множество
 монастырей и гдѣ христіанство имѣло уже глубокіе кор-
 ни въ характерѣ народа. Но все-таки нѣтъ возможности
 точно опредѣлить месторозиденіе хотя бы одной изъ разобра-
 нныхъ нами поэмъ. (Такъ, напр., очевидно, Аполлонія

Пирского, не определено, заимствованы ли испанские поэты вообще из древнейшей редакции, Римский Эпос ("Gesta Romanorum"), или из охридской латинской повести, или из французской передатки).

Но темь больше подвигаемся мы впередь, темь замыкает измѣняюща обрядовьства и мы возвращаемь первого испанскаго поэта-писателя, имя котораго дошло до насъ, вмѣстѣ съ его произведеніями. Это —

Томсало Берсео, или изъ Берсео.

Томсало родился въ Берсео около 1193 года, въ самомъ концѣ XII столѣтія, воспитывался въ состоятельнѣ аббатствѣ, былъ монахъ набаррекаго монастыря San Millan или св. Эмилиана на терригоріи Калахорри вдали отъ театра войны съ маврами, ^{Тамъ посвященъ въ дьяконы въ 1221 г.} сделался болѣе извѣстнымъ подь прозвищемъ Берсео, по мѣсту его резиденціи и, какъ онъ самъ говоритъ, очень рано началъ своею глубокою старостью:

Unico en mí vege, aunque so ya cansado,

De esta Virgen romanca su dictado.

(„Я хожу въ моеи старости, хотя уже очень утомленъ, Предсказанъ на романскои языкѣ (романка) разсказъ о св. Девѣ).¹⁾ Это умеръ, вторично, въ 1270 г. въ царствованіе Альфонсеа Мудраго.²⁾

Его религиозныя поэмы представляютъ своего рода церковный романсеро. Отъ него осталось девять божественныхъ поэмъ, содержащихъ въ себѣ болѣе 13,000 стиховъ и сохранив,

¹⁾ Онъ такъ самъ выражается въ жизнеописаніи св. Орін: st. 2.
²⁾ Вспомогательно Берсео можно найти въ чешскомъ любопытномъ свѣдѣніи въ „Examen Critico del Tomo Primero de el Anti-Quixote“, Madrid, 1806, p. 22 и сл.), анонимной прощорит. написанной, какъ полагаютъ, Пальмероми, издавшемъ Донъ Кихота.

Исторія старо-испанской поэзи съ XI вѣ.

Лягушкинъ большой зомъ in 8. „Жизнь святого Доминика Силосскаго“ (San Domingo de Silos), помыщенная во главе сборника произведеній Берсео, начинается слѣдующимъ мизургическимъ воззваніемъ: „Во имя Бога Оуца, создавшаго все сущее, Господа нашего Исуса Христа, сына преславной (Дѣвы), и св. Духа, равнаго имъ, я хочу разсказать жизнь святого исповѣдника. Я хочу разсказать ее простымъ романскимъ языкомъ, козорымъ простые люди говорятъ другъ въ другомъ, нбо я недосказанного образованъ, тобачно, назарся стѣлаю это на ладинскомъ языкѣ. Думаю, то моя работа заслуживаетъ сракама добраго вина“. Далѣе онъ говоритъ: „я хочу говорить прозого на романско-паладинскомъ языкѣ (en roman paladine), на козоромъ народъ прибавкъ говоритъ съ своимъ соседомъ“. Это же названіе романскаго языка, присвоеннаго испанскому, встречается — какъ мы это уже видѣли и еще увидимъ — и въ первыхъ стихахъ двухъ другихъ поэмъ Берсео: „Мученія святого Лаврентія“ и „Хвала Богородицы“. Это доказываетъ, что въ первую эпоху существованія испанскаго языка онъ былъ очень близокъ къ романскому, на козоромъ писали провансалскіе фрубадуръ, долгое время, даже въ эпоху появленія замѣтныхъ произведеній на кастилскомъ нарѣчій, имѣвшие большое вліяніе при дворѣ барселонскихъ графовъ и королей аррагонскихъ: Альфонса II (1162-96) и Педро (1209-13), давшего удобнѣе провансалскимъ фру.

вероятно зрудадураль, бывавший из Прованса во время преследований албигонцев. Они пользовались даже по крови германскому готу Хампа завоевателя. В Барселонь была учреждена академия (в 1323г.) по образцу флузской. Переход провансальского языка в испанский замечен в стихах Педро II арагонского и сочинениях маркиза Виллени, бланкагелского вельможи-поэта при дворе Хуана II. Только в XI веке, в эпоху соединения Арагона с Кастилией, при Фердинанде и Изабелле, исчезла окончательно в Испании поэзия зрудадуровь.

Возвращаясь к св. Доминго де Силосе, мы находим, что, по обычаю эпохи, Спасителя даже зовутся *Don Jéhu-Christo* — слово, соответствующее латинскому *Dominus*. *Дон* — зидуль, который первоначально употреблялся лишь по отношению к святым, мрамор королевской фамилии, зидуль соответствующий зидулю графа в новейшее время. Когда подобное зидуль было кому-нибудь малецом, то на него выдвигалась особая грамога, как напр. Колумбу, ибо никакой другой зидуль не давал права называться «доном». Но мало-по-малу оно утратило свое значение, и вскоре после 1600г. его мало знали никому, кто только сделал шаг к его, — *a quanto le quierem*. Теперь зидуль донна дается всем, даже порочному. ¹⁾ Гонсало Берсео сам называл свои произведения прозой не в том смысле, как мы понимаем это слово, а в смысле силлабическом

¹⁾ Сл. Minutoli, *Altes und neues aus Spanien*, 1854, В. II, стр. 127.

сказочворений; но гасго по содержанию его произведений — чужая проза в современном значении, сильно напоминая Оррида Вейсенбургского, монаха в Вейсенбурге (ок. 970г.), и написавшего „Евангелия сармонію“. Вот как, напр., Берсео золкуецъ, в гудакунгеской поэме „Del sacrificio de la Misa“ о молитвах Господней:

„Въ этой молитвѣ мы просимъ о семи предметахъ. При первомъ вѣтви, четыре послѣдніе окончены вѣтвилье кон, цюль мѣра и находящя въ предѣлахъ времени. Первое моление касаетъ небеснаго Оуба, мѣра котораго вѣтви и безсмертно. Второе моление относима къ небесному цар, сѣбито, которае конца не имѣеть. Въ третьихъ мы просимъ, чтобъ исполненная благословенія воля Господня совершалася на землѣ и на небеси, куда не входитъ гасъ. Эти три первая моления не исполняются въ этой мѣрѣ, но въ другой, гдѣ не слышно словъ раздора“ и пр.

Конечно, трудно найти поэзію въ подобнаго рода раз, сѣденіяхъ, и трудно сознаеть, что большае гасъ произ, веденій, дошедшихъ до насъ въ именехъ Берсео, не оушка, едетъ особыми литературными дооуинсували. Но по време, малъ и у него попадаются хорошія вещи. Въ произве, деніяхъ сло едетъ не мало мѣръ привлекательныхъ, либо по своему наивному благогасію, либо по маскерезу и живописности разсказа. Лучшій мѣста въ этой родѣ можно найти въ его длинной поэме о „Гудесахъ Губы“.

Это — главная изъ поэмъ Берсео; она состоитъ почти, такъ изъ 3,600 стиховъ. За незамысловатыми исключеніями, все это громадное количество стиховъ доходитъ на североскутій, подобно поэмѣ Аполлонія Турскаго. Поэма состоитъ изъ 25 разказовъ о вѣщавшемъ Боціанъ Магери въ людскія дѣла и очевидно имѣла целью усилить почитаніе Девы Маріи. Введеніе въ эту разказъ составляетъ самое поэтическое изъ всего написаннаго Берсео. Възъ эта выдержка, ка познакомишь насъ и съ его поэтическою манерой и съ его стилословеніемъ:

Amigos è vassallos de Dios omnipotent,
 Si vos me escuchades por vuestro consient,
 Querriavos contar un buen avoniment:
 Terríesdeslo en cabo por bueno verament.

Yo maestro Gonzalvo de Berseo nomnado
 Tendo en Romeria caeci en un prado,
 Verde è bien sencido, de flores bien poblado,
 Lugar cobdiciaduro pora ome cansado.
 Daban olor sobre las flores bien olientes,
 Refrescaban en omne las caras è las mientas,
 Manaban cada canto fuentes claras corrientes,
 En verano bien frias, en yvierno calientes.

Avie my grand abondo de buenas arboledas,
 Milgranos è figueras, peros è mazanedas;
 Emuchas otras fructas de diversas monedas;
 Mas non avie ningunas podridas nin acedas.

La verdura del prado, la olor de las flores,
Las sombras de los arbores de temprados sabores
Refrescaronme todo è perdi los sudores:

Podrie venir el ome con aquellos olores. (Tanchez, T. II, p. 288).

„Друзья и вассалы всемогущаго Бога,
Если вы ходите слушать меня, ради соборвеннаго блага,
Я расскажу вамъ одну хорошую поучительную пещорию,
Которая вамъ непременно понравится.

Я Гонсало, прозванный Берсео,

Путешествуя во свѣдѣнїя пещи, върнувшись на своемъ пути луць,
Зеленый и богадоукрашенный роскошными цвѣтами,
Много медланное для всякаго усаващаго человѣка.

Они издавали удивительный запахъ, эти благоухающіе цвѣты,
И освѣщали въ человѣкъ и тело и душу.

По луку струились ручьи прозрачной и бѣсхрой воды,

Прохладные лѣталь и огенъ земли зимото.

Было тамъ много хорошихъ деревсевь,

И гранатовыхъ и ореховыхъ, и грушъ и яблокъ,

И много другихъ плодовъ разной породы,

Но между ними не было ни одного емилаго или кислаго.

Зелень лука, благоуханіе цвѣтотвъ,

Тѣхъ деревсевь, обремененныхъ пышными и вкусными плодами,

Все это освѣщило мое существо и я не чувствовалъ болѣе испарина:

Думано, что человѣкъ мотъ бы существовать одними этими ароматами.” —

Какъ видно, авторъ довольно живо описываетъ долину

земного рад, куда онъ былъ вознесенъ въ видѣннн, пѣнь
 радъ поющихъ и пр. Въ фольклорѣ оказывается, что эта
 долина — мазеръ Тоскн, пѣнь — св. Августинъ, св. Триго,
 рн и пр. Введеніе, которое являея цѣлѣмъ сорокъ страницъ
 не равнаго досюмства, ннверъ мало связи съ послѣдующимъ
 разказомъ; равнымъ образомъ и весь повѣсть мало свѣ.
 заны между собой, и вся поэма неожиданно заканчива.
 еря нѣсколькими строками въ прославленіе мадонны.
 Но хотя въ постройкѣ поэмы ннзаметно — ни фольклорно, ни
 ннверно — и слѣдовъ искусства, поэма не менѣе, повѣствователь.
 ная часть ея не лишена естественности, энергии, а подчасъ
 и поэзии. Во многихъ мѣстахъ гурбуруется присущее ели
 не фборство, до по крайней мѣрѣ художественной изобрѣ.
 рательности. Языкъ поэмы очень наивенъ, и это не болѣе
 какъ легенда, переложенная въ стихи. Именно, разказы,
 наполняющіе поэму, принадлежатъ къ разряду релн,
 глосныхъ легендъ, еромъ любимыхъ въ средніе вѣка, а
 несомнѣнная цѣль ихъ — возбуждаеъ въ сердцахъ слуша.
 телей благосердивая гурбу. Одна изъ лучшихъ вещей Бер.
 сео — разказъ о еврахъ Хрисовыхъ, влнтенный въ уста
 св. Дѣвы, которая съ ними обрацаея къ св. Бернарду.

„Гудеса Богородицы“ не только самая обширная по
 объему, но и самая любопытная изъ поэмъ Берсео, изъ чего
 однако вовсе не слѣдуетъ, что можно не обращать
 никакого вниманія на остальные.

Поэма о „Знаменіяхъ Страшнаго Суда“ написана въ
 хоронсефвенномъ зѣнѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышается
 до перинной поэзи, какъ напр.:

Esti sera el uno de los signos dubdolos:
 Subira a las nubes el mar muchos estados,
 Mas alto que las sierras è mas que los collados,
 Tanto que en sequero fincaran los pescados.
 Las aves esso mesmo menudas è granadas
 Andaran dando gritos todas mal espantadas;
 Assi faran las bestias por domar è domadas,
 Non dodran à la noche tornar a sus posadas.

• Таково будетъ одно изъ устрашающихъ знаменій:

Море подыметъ до облаковъ
 И выше горъ вершинъ горъ,
 Оставляя рыбу на суше.

Птицы большія и маленкія

Будутъ съ озлавленнымъ крикомъ летать, предувервая свою гибель;

Чувственною, рычавою и дикою — будутъ летаться,

Не найдя угощища на нощь.”

Какъ видно,

Тонзало Бересо перекладывалъ въ однообразную
 чувверосущій съ латинскаго, какъ самъ говоритъ, мизія
 мѣстныхъ свѣдѣній, судеса Богородицы, знаменій страшнаго
 суда, разсуждалъ въ зѣнѣе формѣ о мурургическомъ
 жарвоприношеніи и пр.

Поэма о „Мученицѣхъ св. Лавренціи“ начинается стихами:

„Я хочу рассказать с радостью господина святого Лаврентия на романском языке для того, чтобы все могли узнать их“. Это же название романского языка, присвоенного — как мы уже слышали — испанскому, встречается и в первых стихах двух других поэм этого поэта:

„Авала Богородица“ и „Жизнь св. Доминика де Силоса“.

В первой поэме говорит: „Я хочу в моей скарсе, хотя уже очень утомлен, представить на романском языке (романгал) рассказ о святой Деве“, — а во второй: „Я хочу говорить прозой на романско-паладинском языке (en roman paladine), на котором народ при, — быки говорит с своим соседом“. Этого языка и этой прозы мы не видели еще раньше.

„История Марии Египетской“, вывлеченная из „Жизни св. Доминго (или Доминика) Силосского“, рассказана на скарсе, и это самое должно сказать о французском, сколько видным в небесах св. Жакова и св. Доминиана, сражающихся за христиан в битве при Силанке, — видение, о котором повествуется также в „Общей Хронике Испании“ (Crónica General). Но ничто не дает нам такого ясного понятия об авторе и его времени как за джеская павеное, за религиоз, над павеное, которыми дана много мвса

Поэма „Жизнь Богоматери у подножия креста“.

Приведу в пример описание Девы, сохранившей крест

и обращающейся къ умирающему сыну со следующими словами:

Fiio, siempre oviermos io è tu una vida;

Yo à ti quisi mucho, è fui de ti querida;

Yo sempre te crey, è fui de ti creida;

La tu piedad larga ahora me oblida?

Fiio, non me oblides è lievame contigo,

Non me finca en siglo mas de un buen amigo;

Fuan quem dist por fiio aqui plora conmigo:

Ruegote quem condones esto que io te digo. It. 78, 79.

„Сын мой, зыи и я, мы жили одного мизнста;

Я зедь сильно любила и зыи мнѣ озвочкала зойи те любовью.

Всегда я зедь ворила и зыи ворила мнѣ.

Теперь звод великая любовь забываетъ меня. —

Сын мой, помни обо мнѣ и возьми меня съ собою. —

У меня на зворѣ охраря зольско одинъ другъ, —

Зоанто, котораго за даль мнѣ вильсо сына; оны здѣсь плачетъ со мной.

„Моя зедь, даруй мнѣ зыи, о зель я зедь прошу.“

„Темне зрнѣ зрнѣ возбудаетъ во мнѣ“ — говоритъ

Пикторъ — „зубуво следное съ зель, какое я мнѣ зыи,

ваго при созерцанн зого зыи зюмера на картинѣ Перу,

длинно.“ „Крозка, доверчивая и задумевная каботи,

носъ, одушевлявшая испанскій народъ во времена

войны съ набрами, ообразилоя въ поэмѣ Берсео затьо

зыи полно, какъ и мракъ невъзнесерва, въ которое

было погружено христіанскій миръ въ ззи земныя

и смущенная времена." Но в поэме ("Печаль Богородицы") много грусти и искреннего благочестия. Заглавие принадлежит еще нескольким надобшим гимнов в форму этой поэмы.

В языке Берсео замечается некоторое отличие, сравнительно с языком той эпохи, когда сочинена поэма о Суде, но за то энергия и оживление последней совершенно отсутствуют в стихах почтенного свещенника. Форма стиха, избранная Берсео, которую Lorenzo de Segura в том же сочинении называет *quaderna via*¹⁾ и которую мы находим в поэме Антонио Туркаго, заслуживает особенного внимания потому, что она в продолжение двух веков была любимой формой испанской поэзии. Разумеется, трудно было выдержать такое однообразие в риме, но в эпоху первого подвешия римы в поэзии новой Европы предельные эры трудности казались весьма заманчивыми.

В. Скотт поблизил эроз опыты в одном из своих стихотворений (*The Talisman*), которое по форме предельно, даже подразмяние провансальских поэма, но по трудности дала ограничиться несколькими стихами.

Во многих произведениях провансальской поэзии изобилие римы доходит до счастливости. Так напр., в *"Croisade contre les Hérétiques Albigeois"*, замечательной поэме, относящейся к 1210 году, встречается stanza,

¹⁾ г. г. герарихерогный кунлер

въ козоряхъ бѣла и да she ридна повзордежа около ста
разъ. Зревнѣишій извѣстный намъ примѣръ этой поэзи,
литической форма относится къ 1100 году и находится въ
любимой рукописи „Сзихозвореній Валдѣнцевъ, козо-
рой поитзовался закше Ренцарь.“

Въ истинѣ исторія этой поэтической формы (аааа:
лаооо, атоо, седноо, тетоо) очень проста. Несомненно, что
она перешла сюда изъ Прованса, то она впервые появ-
ляется въ поэмѣ Аполлонія Турскаго; у Берсео появле-
нiе ея даше можно поитзвудъ годовъ, именно около
1230 года и задалъ ee употреблѣнiю до конца XIV столѣтiя.
Въ эту форму облегченн въ поэмѣ (въ 13,000 сзиховъ)
Берсео со включенiемъ гимновъ, кромѣ 20 сзиховъ изъ
„*Dueto de la Virgen*“. Эти 20 сзиховъ содержатъ въ себѣ пѣснь
евреевъ, козорамъ поручено было сдержать гробницу Исуса,
послѣ распятiя. Подобно рогамъ демоновъ въ сгаринныхъ
миссерiяхъ, эти сзихи предназначена вызывае смѣхъ,
и самъ Берсео, справедливо замечаетъ, что они „не сроднъ
и зрѣтъ фривъ“. Но они имѣютъ свое значенiе, какъ пер-
вый образчикъ испанской лирической поэзи, дошедшей
до насъ съ точнымъ обозначенiемъ года. Возъ начало этой
пѣсни: *Velat, aliamta de los Judios,*

Эца велат!

Que no vos fueren el fijo de Dios,

Эца велат!

Car furtarvoslo querran,
 Dya velar!
 Andre è Pedro et Johan,
 Dya velar!

Duelo, 172-9.

„Бодрозвун, иврейская община,
 Не зывай и сзереги!
 Ме зо у федя украдуць сына Томия,
 Не зывай и сзереги!“

Они мизуць слугая похижуць его,
 Не зывай и сзереги!
 Андрей, Пётръ и Жоаннь,
 Не зывай и сзереги!“

Вообще говоря, стихосложение у Берсео правильно, а метрами даже гармонично, хотя отъ и позволдерь себя иногда неправильный ритма, козорня можно разсека, зриваць какъ заразноую форму народныхъ ассонансовъ, но поэтическия возможности у него гораздо меньше, чымъ можно было ожидать. Самгесу гармонид и законченность стиха Берсео представляется даже чымъ-то чрезъвычайнымъ, и отъ осанаетъ поэза воззороженными похвалами.¹⁾

¹⁾ Сл. Sanchez, Т. II, р. XV.

Хуанъ Лоренсо де Сегура.

Взорникъ поэтъ былъ Juan Lorenzo de Segura. Онъ былъ духовное лицо, — von clerigo à ondrado, — и родомъ изъ Асторги, городка, находящагося въ сѣверо-западномъ уголкѣ Испаніи, на границѣ королевствъ Леонскаго и Галисійскаго; Берсео происходилъ изъ той же мѣстн. части, и хотя между появленіемъ зого и другого про, фекло около полусямьлѣтій, они сродни другъ другу и по духу. Подобно Берсео, Сегура принадлежалъ къ бнѣ, лому духовенству. Объ немъ извѣстно только, что онъ жилъ въ концѣ XIII столѣтій и оставилъ поэму въ 10,000 стиховъ изъ жизни Александра Великаго.

Въ рѣдѣ сюжетовъ, наиболѣе привлекавшихъ къ себѣ много писателей, была исторія Александра Македонскаго. Востоку, Персіи, Аравіи и Индіи давно полны разказами объ его подвигахъ; пришла на, конецъ очередь и для Запада. И здѣсь Александръ Великій какъ герой, заключающій въ себѣ болѣе рыцарскія черты, чѣмъ все остальные герои древности, сдѣлался любимцемъ поэтическимъ сказаніемъ почти всѣхъ народовъ, которые гордятся своимъ происхожденіемъ, ей мѣрадуры, какъ это монахъ „Кэнтерберійскихъ разказовъ“ (Canterbury Tales) Чосера былъ право, говорилъ: „Исторія Александра на сѣмъ извѣстна, что нѣтъ человека, сколько нибудь образованнаго, который не зналъ

1) См. сказку сэра В. Узлек (Uzuley) въ „Transactions of the Royal Society of Literature“ (vol. I, Part. II, стр. 5-23). — Ср. Spiegel, die Alexander Sage bei den Orientalen (Leipzig, 1851).

бы, если не всякъ, то хотя нѣкоторой части его прикля-
ченій." (Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если
и Лоренсо Серура образился въ Этому стожеру и написалъ:

„Alexandrijo“ или „Поэму объ Александрѣ Великомъ,“
которая вышла около половины XIII вѣка (около 1250
года). После краткаго введенія, поэма съ нѣсколькими эпигра-
ммами начинается въ описаніи своего героя:

Quiero leer un libro de un rey noble pagano,
Que fue de grant esforcio, de corazon lozano,
Conquistó todol mundo, metiolo so su mano,
Terné, se lo compriere, que soe bon escribano.

Del Principe Alexandre, que fue rey de Grecia,
Que fue franc è ardit è de grant sabencia.

Venció Poro è Dario dos Reyes de grant potencia,
Nunca conosció ome su par en la sufrenca.

El infante Alexandre luego en su niñez
Comenzó à demostrar que serie de grant prez:

Nunca quiso mamar leche de mugier razer,
Se non fue de linage ò de grant gentiléz,

Grandes signos contiron quando est infant nasció:
El ayre fue cambiado, el sol escurreció,

Todol mar fue irado, la tierra tremeció,

Por poco quel mundo todo non pereció. (Sanchez, T. III, p. I).

„Я хочу разсказать вамъ исторію о благородномъ дзическомъ королѣ,
Который обладалъ силными и мужественными духомъ,

Завоевалъ весь миръ и держалъ его въ рукахъ, —
 Постаралось исполнить это хорошо, чтобъ заслужить имя хорошаго писателя
 О принце Александрѣ, король греческомъ,
 Который былъ оживленъ и силенъ и исполненъ большой мудрости,
 Который победилъ Пору и Даридъ, двухъ могущественныхъ государей. —
 Никогда не было человека, который бы столько владѣлъ, сколько онъ.
 Французъ Александръ съ дѣтства являлъ
 Доказательства будущаго великихъ подвиговъ:
 Онъ никогда не хотѣлъ брать грудь женщины,
 Если она не была благороднаго происхожденія или большой красоты.
 Рожденіе этого ребенка ознаменовалось великими чудесами:
 Поднялся вихоръ, солнце померкало,
 Море приняло въ ярость, зарделась земля;
 Эдакъ не погибъ весь миръ!..

Загнѣвъ слѣдующъ нехоръ Александра Великаго, пере,
 поппенная баснями и несообразностями въ духѣ того
 времени. — Передъ своимъ отъѣздомъ на востокъ, Александръ
 посвящаетъ въ рыцари и получаетъ заколдованную
 шапку работы Дотъ Вулкана, поварь, сдѣланной Дотного
 Философіею и колотуку, сдѣланную двумя морскими
 дѣвками (duas fadas enna mar). Завоеваніе Азии не за-
 ставляетъ долго сидѣть, и епископъ Ферусалимскій, то,
 бы охрановитъ побѣдоносное шествіе Александра, при
 приближеніи его къ Иудейской столицѣ, велитъ отъез-
 дитъ обходно. При описаніи происхожденія македонскихъ

Войскъ черезъ равнину Трои, поэтъ не можеть изобразить про-
звѣ искушеній разсказать въразитъ о судьбѣ этого города,
и влагаетъ свой разсказъ въ уста самого Александра, ко-
торый сообщается его своей связъ и въ особенноеи дванад-
цати пѣраствѣ, сопровождавшими его въ Эолю находѣ.
Это странное повѣствованіе опирается на авторитетъ
Гомера; но о томъ, какъ мало асдорскій поэтъ придер-
живался Илиады и Одиссеи, можно судить изъ слѣдую-
щаго фрагмента: вѣнцою того, чтобы послать Дону Ахиллеса
ко двору Ликоида, царя Скироскаго, гдѣ онъ укрывае-
ся передоузній въ шенское море, поэтъ, при посредствѣ
царя его матери, переноситъ его, передоузного женихи,
ного, — въ шенскій монастырь, куда являеся, чтобы от-
крыть обманъ, хитрой Донъ Улиссъ въ видѣ разносчика
съ кородкою шенскихъ украшеній и съ оружіемъ за-
щитного. — Въ концѣ поэмы помѣщаются два проза-
ческихъ письма, будто бы написанныя Александромъ сво-
ей матери; — это древнѣйшіи образцы касшмскаго про-
заическаго языка, касшмской прозы.

Взоръ въ самое начало поэмы съ гордою заяв-
ляетъ, что его произведение не похоже на тѣни шонгъ,
перовъ; онъ будетъ писанъ по-ученому, въ рифмованныхъ
четверостишияхъ, а это было великой науки... „Эго по-
зна“ — говоритъ Курничниковъ —, дѣйствительно дѣлается
болше чести его учености и дерзности, чѣмъ таланту и

и или: два письма въ прозѣ.

изобретательности. Но мы должны признать, что хотя это — скучная и зашкеловатая хроника, однако по времени, partly озаглавленная проблесками поэтического увлечения.

Хуан Лоренсо Вегура заимствовал содержание своей поэмы главным образом из латинской поэмы „Алекса́ндрейды“, Тотсе де Шазиксона (из Лилля), на которого он так часто ссылается; и затем внес в нее кое-что, что нашлось и в других источниках, может быть, в одной или нескольких французских поэмах, кое-что из своей собственной фантазии, что подходило к его цели. Сказано было, поэма эта, испанская „Александрия“, была составлена по источникам, доступным в то время испанскому священнику и написана герберскими, введенными в моду Терсо.

В рассказе о подвигах и приключениях Алекса́ндра поэма следует общепринятому порядку, но повествует о много французских оценок. Главное, что бросается в глаза в этом огромном сухопаром рении, это — сравнение нравов хорошо известной эпохи греческой истории с нравами современного поэту кафолического и рыцарского. Эта длинная поэма проникнута национальными, рыцарскими и церковными элементами. Герой поэмы представляет идеал христианского рыцаря, окруженного восхитительными чудесами и созданными арабскими сказками. В поэме видно знакомство

Сегуры съ Квинтомо Курциемъ; авторы перенесъ въ Третью правъ среднихъ вѣковъ и католической Испаніи. Александръ у него окруженъ двенадцатью израи, какъ Карлъ Великій. Однѣ эпизодъ описываетъ троянскую войну; въ немъ Дочь Ахиллесъ предается въ иенское монастырь. Текзоръ говоритъ о церквяхъ и псалтыряхъ; голова Месора —, была какъ сарь; Аврора приговаряетъ ключи для восхода солнца, а Аполлонъ снимаетъ узду со своихъ лошадей. Лоренсо Сегура знакомъ съ Гомеромъ, географіей, астрономіей и исторіей, и окрашиваетъ македонскаго героя подъ цвѣтъ средневѣковаго геловъка. Но какъ всегда бывало при подобныхъ переломкахъ. Подобному сличенію не гудитъ ни одна изъ старинныхъ литературъ новѣйшей Европы.

Повсюду существовалъ періодъ, когда водатающіяся событія древней исторіи и созданія мифологіи, перенесены съ средневѣковыми преданіями, послужили матеріаломъ для поэзіи и романа. Писатели-поэты, тобы наполнили и закончили картину, созданную или воображеніемъ, злоупотребляли поверхностнымъ знаніемъ древности и неосноваочно приписывали ей нравы и чужезвѣя своего времени, какъ по невѣжливому убѣжденію, что другихъ и не могло существовать, такъ и по предвзятости небрежности ко всему кромѣ поэтическимъ эффектамъ. Такъ было въ Италіи на самой

зарь ея поэзии и даже после Данте, „Divina Comedia“ ко-
 зорго переполнена подобнаго рода несообразностями
 и анахронизмами. Мы видимъ зоту самое и во фран-
 ции; въ прилѣтъ можно привесть латинскую поэму
 о дѣ Александрѣ Великомъ (Александрейда) Жюзе де
 Шауилсона и французскую Александра де Бернэ; эти по-
 змы написаны почти за сто лѣтъ до Сегурри и отъ него
 или отъ него пользовался. Это же дѣлалось и въ Англіи
 до времени непосредственно слѣдовавшихъ за Мексин-
 ромъ, „Соты въ лѣтнюю ночь“ козорого представляють
 прилѣтъ зоту, что можеть служить гетіи въ оправданіе
 существующаго обычая.

Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если мы
 возразимъ подобная несообразности и въ испанской
 мизераурри, представили козорою, заимствуя матеріалъ
 для своихъ созданій изъ такого громаднаго склада вымыс-
 ловъ, какъ сочиненія Дареса Фригійскаго, Дикуса Крн,
 Яннина, Гвидо де Колонна и Жюзе де Шауилсона и др.,
 безознаательно возводили зданіе оумесуренной мизера-
 зурри на основанія чуждыхъ народному духу.

Латинская поэма Жюзе де Шауилсона была такъ по-
 популярна, что ее изучали въ классахъ риторики предно,
 гмизурально передъ М. Аннелъ Луканомъ и Виргиліемъ.
 Французская поэма, нагадъ Ламберомъ Li Totъ (ошибочно:
 Li Totъ) и охотпенная Александромъ де Бернэ, хотя пользо-

У Маркъ Анней Луканъ, римскій поэтъ, жилъ съ 38-65 г. по Р. Хр. и
 написалъ эпическую поэму „Фарсалия“.

баласъ меньшимъ почетомъ, но тоже была сильно расиро-
срана. ¹⁾ Лоренсо Сегура, казорный пользовался эзими
познами, на етолько же злоупотреблялъ языческой мифо-
логией какъ Гвидо де Колонна, Даревъ Фригийскій и другіе
подобные мѣ писатели и ~~это~~ напрозубъ зого Педро Нунь,
есъ Делгадо, переводчикъ XVI столѣтія въ предисловіи
къ своему переводу зого же самаго Гвидо де Колонна,
предупреждалъ своихъ читателей — христіанъ, что вѣсть ззи
языческой боженства сузъ ничто иное, какъ дьяволы (son
у селан sempre demonios), — закъ велика была перемѣна,
происшедшая въ понѣтіяхъ и чубевахъ испанцевъ въ про-
межутокъ между XIII и XVI столѣтіями.

Но, не смотря на вѣсть свои недосудзакъ и невообразно-
судъ, поэма о въ Александрѣ Великомъ представляеть собото
любопытнай и важной памятникъ старинной испан-
ской литературы, сродниъ какъ бы на рудеить двухъ ея
эпохъ. „Александрія“ Хуана Лоренсо Сегуры была зна-
менитѣйшимъ изъ многочисленныхъ въ зомѣ же родѣ
рыцарскихъ эпоей. Ззи послѣдній по времени перера-
ботались въ обширныя безконечныя рыцарскіе романы,
писанныя прозой. „Поэма о въ Александрѣ Великомъ“ на,
полняеть собою ззи зомъ „Poesias Anteriores“ Сампеса и дол-
гое время, неизвѣстно почему, приписывалася Алфонсу
Мудрому или Ученому, не смотря на то, что въ послѣд-
нихъ строкахъ поэмы ясно сказано, что авторомъ ея

¹⁾ Gingueni, въ „Histoire Littéraire de la France“, Paris. XV, 1820,
pp. 100-127. Менгеле Венду называетъ его Lambert li Cors, но
зза ошудка направлена при изданіи поэмы Мзузгардскимъ об-
ществомъ, въ 1846 г.

Баль Луань Лоренсо Сегура.

Другая поэма, озаглавленная „Объезды Таблика“ („Los Votos del Tavon“) и служившая продолжением поэмы объ Александра, не дошла до насъ. Если судить по старинной французской поэме объ объездахъ, произнесенныхъ надъ павлиномъ, любимого внука Александра, поданной случай, но на самомъ послѣ смерти героя, то нѣтъ (по Тикнору) причинъ особенно жалеть объ этой утратѣ. Маркизь де Санъ, зная о первомъ упоминаньи о поэме „Объезды павлика“, а Фроме выражается такъ: „Le roman de Tavon est une continuation des faits d'Alexandre.“¹⁾ Въ старинцу существовали обряды произнесенья объезды надъ любимыми внуками.²⁾ Въ испанской поэме объезды, повидимому, заключали въ себѣ предсказаніе о случаяхъ, имѣющихъ наступить при наслѣдствѣ микаля Александра. Соузи (англійскій крижикъ), въ приписаніи къ своему „Madoc“ (Part. I, Canto XI) справедливо говоритъ „о нѣзимо зекующемъ языкъ и мезръ“ Хуана Лоренсо де Сегуры.

На основаніи близкой связи Сегуры съ Франціей, ей и другихъ болѣе мелкихъ соображеній, нѣкоторые историки литературы относятъ его къ слѣдующему періоду испанской литературы, періоду, который называется съ Антонио I (Мудраго).

1) См. Sanchez T. I, p. LVII.

2) См. Recueil de l'Origine de la Langue et Poésie Française, Paris, 1581, стр. 88)

3) См. Parante, „Ducs de Bourgogne“, подъ 1454 года, Paris, 1837, in-8, T. VII, pp. 159-164.

